

Мастера ужасов

Дэвид Вонг

18+

В ФИНАЛЕ ДЖОН
УМРЕТ

Мастера ужасов

Дэвид Вонг

В финале Джон умрет

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.111
ББК 84(7 Сое)

Вонг Д.

В финале Джон умрет / Д. Вонг — «Издательство АСТ»,
2009 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-107317-6

В этом городе всегда творилось что-то странное. Здесь часто исчезают люди, из ниоткуда появляются таинственные автомобили, а еще тут живут Дэвид и Джон, вполне обычные парни, которым однажды не посчастливилось случайно открыть дверь в другой мир (ад, измерение Икс, Зен, метавселенную – как только люди его не называли). Вот только если ты видишь его, то и местные обитатели видят тебя, а они очень любопытные и зачастую очень голодные. А потом в городе начинает твориться такое, что ни в одном кошмаре не приснится: люди-тени, клоны, слизняки, щупальца, твари, описания которым в человеческом языке нет, и монстры. Много монстров. И Дэвид, и Джон довольно быстро понимают: некоторые двери закрыть очень трудно, а реальность куда интереснее и страшнее, чем кажется человечеству.

УДК 821.111
ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-17-107317-6

© Вонг Д., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Пролог	6
Книга I. «Китай-еда!»	17
Глава 1. Левитирующий «ямаец»	17
Глава 2. Тварь в квартире Джона	29
Глава 3. На допросе с Морганом Фрименом	41
Глава 4. «Соевый соус»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дэвид Вонг

В финале Джон умрет

David Wong
John Dies At the End

© 2009 by David Wong
© Валерий Петелин, иллюстрация, 2018
© Михаил Головкин, перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Моей жене, за ее терпение и прочие восхитительные качества, из-за чего мне порой кажется, что она – продукт моего воображения.

Моему лучшему другу, Маку Лайти, который выдумал Джона, и который много лет назад убедил меня, что писательский труд как хобби гораздо интереснее алкоголизма.

Мак, когда моя жизнь пошла наперекосяк, ты вмешался и всех этих гадов прикончил. Я этого никогда не забуду.

Пролог

Разгадав загадку, приведенную ниже, вы раскроете страшную тайну вселенной – если, конечно, не спятите. Если же страшная тайна вселенной вам уже известна, можете спокойно перевернуть страницу.

Допустим, у вас есть топор – обычный дешевый топор, купленный в магазине хозяйственных товаров. И вот в один трагический зимний день вы взяли вышеупомянутый топор и отрубили им голову одному парню. Не волнуйтесь, тот уже был мертв. Хотя, возможно, поволноваться бы стоило – именно вы его и застрелили.

Это был настоящий громила – дерганый, синие вены на огромных бицепсах, заточенные зубы, на языке татуировка-свастика. Наверняка вы таких встречали. Вы всадили в него восемь пуль, а теперь рубите ему голову топором, чтобы он уж точно не вскочил и не вцепился вам в глотку.

При последнем ударе топором разлетается на мелкие кусочки. Так что теперь у вас есть сломанный топор. Потратив целую ночь на то, чтобы избавиться от громилы и его головы, вы берете топор и едете в город. В магазине хозяйственных товаров объясняете продавцу, что темно-красные пятнышки на сломанном топорике – это кетчуп, после чего вам вручают совершенно новое.

Починенный топор спокойно лежит у вас в гараже, пока одним дождливым весенним утром вы не обнаруживаете на кухне существо, похожее на гигантского слизня с раздувшейся яйцевой камерой на хвосте. Челюсти у твари такие мощные, что без малейших усилий перекусывают вилку. Вы рубите существо на мелкие кусочки, но при этом ваше верное оружие врезается в металлическую ножку перевернутого кухонного стола. Значит, теперь у вас есть топор с зазубренным лезвием.

Вы, конечно, снова едете в магазин хозяйственных товаров и покупаете другое лезвие, а вернувшись домой, обнаруживаете там парня, которого когда-то обезглавили. Голова у него новая, пришитая к телу леской, а на лице – совершенно особое выражение, словно он хочет сказать: «Не ты ли отрубил мне голову?!» Такое выражение лица не часто увидишь.

Вы – за топор, а парень смотрит на него полусгнившими глазами и орет, хрипя и булькая: «Этим топором ты меня и убил!»

* * *

Прав ли он?

* * *

Я пытался разгадать эту загадку в три часа ночи, сидя на крыльце своего дома на дешевом пластиковом стуле – одном из тех, что в грозу разлетаются по всей лужайке. Ветер холодил мне щеки и уши, ерошил волосы. Будь я лет на сорок старше, с удовольствием выкурил бы трубочку – если бы она у меня была. Подобные редкие моменты полного душевного покоя начинаешь ценить лишь после того, как они...

Заверещал мобильник; звук ужалил, словно пчела. Я вытащил маленький тонкий телефон из кармана куртки, взглянул на номер и, ощутив легкий укол страха, сбросил звонок.

В мире вновь воцарилась тишина, только еле слышно аплодировали деревья и шуршали сухие листья по дорожке. Моя собака Молли, не отличающаяся особым умом, после нескольких попыток залезть на соседний стул, наконец, опрокинула его и залаяла от злости.

Телефон зазвонил опять. Лай Молли перешел в рычание. Я закрыл глаза и помолился, коротко и раздраженно.

– Аллю?

– Дейв? Это Джон. Звонил твой дилер. Он говорит – или сегодня ты отдаешь ему героин, или он тебя зарежет. Встретимся там, где закопали шлюху-корейнку.

На самом деле эта кодовая фраза означала: «Приезжай ко мне как можно быстрее. Дело важное». Мало ли, вдруг телефон прослушивается.

– Джон, сейчас три часа но...

– Да, и не забудь – завтра мы должны убить президента.

Щелк.

Он отключился. Последнее предложение было просьбой купить сигарет по дороге.

Скорее всего, мой телефон действительно прослушивался. Впрочем, эти шифры – дурацкая затея, так как в случае необходимости всю информацию можно получить, перехватив наши мозговые волны. Я глубоко вздохнул – и две минуты спустя уже мчал сквозь ночь на своей машине, надеясь, что печка наконец заработает, и пытаюсь не думать о Фрэнке Кампо. Чтобы отогнать мрачные мысли, я включил радио и наткнулся на какую-то разговорную станцию правого толка.

– Я вам так скажу: Америка – это корабль, а *иммигранты* – крысы, которые бегут на него. А знаете, что бывает, когда на корабле слишком много крыс? Он тонет, вот что.

Я подумал о том, что на самом деле корабли тонут совсем по другим причинам. И о том, почему в машине пахнет тухлятиной. И о том, лежит ли под водительским сиденьем мой пистолет. Что это там, во тьме? Я посмотрел в зеркало заднего вида. Ничего, просто тени. И тут я вспомнил Фрэнка Кампо.

Фрэнк был адвокатом. Однажды вечером он ехал с работы на новеньком «лексусе», сверкавшем, словно глыба черного льда. На приборной панели светились зеленые огоньки, и, глядя на них, Фрэнк чувствовал себя астронавтом, непобедимым супергероем.

Вдруг по его ногам побежали мурашки, и он включил свет в салоне.

Пауки.

Тысячи пауков.

Каждый размером с кулак.

Настоящие боевые пауки – черно-желтые, с длинными тонкими лапами, похожими на иголки.

У Фрэнка поехала крыша, он крутанул руль и слетел в кювет.

А когда его вытащили из разбитой машины и немного успокоили, копы объяснили ему, что в машине не было ни одного паука.

Конечно, все это легко списать на плохое самочувствие, обман зрения, пищевое отравление, – но история на этом не закончилась. Видения – жуткие видения – продолжались, и все королевские медики, все королевские таблетки не могли избавить Фрэнка от кошмаров.

А так с ним все было в порядке. Вот только в среду он произносит блестящую речь в суде, а в четверг клянется, что у судьи под мантией щупальца.

К кому прикажете обращаться в подобной ситуации?

Я подъехал к дому Джона и почувствовал, что ужас возвращается; внутри у меня все крутило, как при несварении желудка. Ветерок, догнавший по дороге к подъезду, пахивал серой: за городом находился завод, выпускавший средство для прочистки канализации. Этот запах и два холма вдаль создавали полную иллюзию того, что неподалеку заснул какой-то великан и пускает ветры во сне.

Квартира Джона была на третьем этаже. Джон открыл дверь и немедленно указал на очень красивую и очень испуганную девушку, сидевшую на диване и нервно разглаживавшую длинную юбку.

– Дэйв, это Шелли. Ей нужна наша помощь.

Наша помощь.

Приступ страха настиг меня, как удар под дых. Видите ли, люди вроде Фрэнка Кампо и этой девушки не обращаются к нам, если у них, к примеру, сломался карбюратор.

Нет, у нас особая специальность.

Шелли было лет девятнадцать, и она походила на фарфоровую куколку – синие глаза, белая кожа, грива каштановых кудряшек. По таким девушкам парни с ума сходят. Она казалась такой маленькой и смотрела на вас так застенчиво и беспомощно, что ее немедленно хотелось спасти, отвезти домой, обнять и утешить.

На виске у нее белела полоска пластыря.

Я заметил, что Джон выглядит совсем как взрослый: волосы аккуратно собраны в хвостик, а рубашка застегнута на все пуговицы, будто он на собеседование явился. Он отошел в угол крошечной квартирки, служивший кухней, и мигом вернулся с кружкой кофе, которую ловко, словно заправский психотерапевт, сунул Шелли. Я едва не закатил глаза: подобное поведение в комнате с огромным плазменным телевизором и четырьмя игровыми приставками казалось просто нелепым.

Я как раз собирался предупредить девушку, что по вкусу этот кофе похож на кислоту, в которую кто-то помочился, когда Джон произнес тоном адвоката:

– Ну, Шелли, расскажи нам, что произошло.

Она робко взглянула на меня.

– Мой парень... не дает мне прохода. Преследует меня уже целую неделю. Родители на курорте, и я... боюсь возвращаться домой.

Девушка покачала головой, лишившись дара речи от избытка чувств, отхлебнула кофе – и тут же скорчила гримасу.

– Мисс...

– Моррис, – еле слышно ответила она.

– Мисс Моррис, я настоятельно рекомендую обратиться в центр защиты женщин. Там вам помогут подать в суд на вашего бойфренда, защитят и так далее. В городе три таких центра, и я с радостью позвоню в...

– Он... то есть, мой парень... умер два месяца назад.

Джон ликующе взглянул на меня, словно говоря: «Видишь, кого я тебе привел!».

Шелли продолжала:

– Один мой друг посоветовал обратиться к вам. Он сказал, что вы занимаетесь... ну... необычными проблемами.

Девушка отодвинула стопку дисков, поставила на стол кружку с кофе и подозрительно посмотрела на нее. Затем повернулась ко мне.

– Говорят, в таких делах вы лучшие.

Я не стал уверять ее в том, что у людей, которые считают нас «лучшими», скорее всего, довольно низкие стандарты. Да, возможно, мы действительно круче всех в городе, но хвататься этим не будешь, да и рекламировать себя в телефонном справочнике – тоже.

Я подошел к креслу и снял с него четыре потрепанных журнала о гитарах, блокнот и Библию в кожаном переплете. Стоило мне усесться, как у кресла сломалась ножка; пришлось сделать вид, что так и должно быть.

– Ну, хорошо. Когда он к вам приходит, вы его видите?

– Да, вижу, и слышу тоже. И еще он... м-м...

Она потеряла пластырь. Я изумленно уставился на нее. Это что, шутка?

– Он вас бьет?

– Да.

– Кулаками?

– Да.

– Вот козел! – возмущенно воскликнул Джон, оторвавшись от кружки с кофе.

На этот раз я позволил себе закатить глаза, а когда они вернулись в исходное положение, свирепо взглянул на Джона. Не знаю, приходилось ли вам иметь дело с призраками, но вряд ли они били вас по морде. Готов спорить, что и с вашими друзьями такого не случилось.

– Когда это произошло в первый раз, я подумала, что схожу с ума. Я никогда не вери...

– Не верила в призраков, – закончил я за нее. – Разумеется.

Нам все так говорят: каждый хочет казаться скептиком, заслуживающим доверия.

– Послушайте, мисс, я не...

– Я пообещал ей, что мы займемся этим делом сегодня же, – прервал меня Джон, чтобы я ненароком не высказал какую-нибудь здравую мысль. – Давай съездим вечером в [название города удалено] и покажем этому гаду, что к чему.

Я разозлился – в основном потому, что душераздирающую историю девица выдумала от первого до последнего слова, и Джон прекрасно это понимал. Внезапно меня осенило: Джон хочет познакомить меня с Шелли. Красивая девочка, бойфренд умер, и у меня есть все шансы стать ее героем. Как обычно, я не знал, то ли благодарить его, то ли дать по яйцам.

В голову мне пришло сразу шестнадцать контраргументов, но каким-то непостижимым образом они уравнили и нейтрализовали друг друга. Может, если бы их число было нечетным...

* * *

Мы поехали на моем «форде-бронко». Машину вел я: Шелли мы садиться за руль запретили – мало ли, вдруг у нее сотрясение мозга, – хотя на самом деле нас удерживало воспоминание о мистере Кампо и его паукомобиле. Видите ли, Фрэнк на горьком опыте убедился в том, что призраки селятся не в старых домах, не на кораблях, а *в голове*.

Шелли сидела на пассажирском сиденье, обхватив себя руками, и безучастно смотрела в окно.

– Вы часто занимаетесь такими делами?

– Время от времени. Уже пару лет, – отозвался Джон.

– А с чего все началось?

– Случай, точнее – череда случайностей: один жмурик, другой, наркотики... Долгая история. В общем, теперь у нас бывают видения. За мной, например, ходит мертвая кошка и просит ее покормить. А однажды я купил гамбургер, и он на меня замычал... Помнишь, Дейв?

Я хмыкнул, но ничего не ответил.

Он не мычал, Джон. Он вопил.

Шелли, похоже, его уже не слушала.

– Я называю это «синдромом Данте», – продолжал Джон.

В жизни не слышал от него этого выражения.

– Мы с Дейвом заглянули в ад, и оказалось, что он здесь – вокруг и внутри нас. В этом отношении он похож на микробов, которые кишмя кишат в наших легких, венах, внутренностях... Ой, смотрите! Сова!

Мы посмотрели в окно – сова как сова.

– Так вот, мы выручили пару человек и постепенно создали себе репутацию, – встрял я.

Пожалуй, этих сведений будет достаточно. Кроме того, мне не хотелось, чтобы Джон рассказывал Шелли о том, как сожрал свой кричащий гамбургер – целиком, до последнего кусочка.

Для начала мы заехали ко мне за снаряжением. Не выключая двигатель, я вышел из машины и направился к ветхому сараю, стоявшему за домом. Я отпер висячий замок, шагнул в темноту и осветил полки фонариком.

Винни-Пух с засохшими пятнами крови вокруг глаз.

Чучело барсуконды (гибрида барсука и анаконды) на подставке.

Большая стеклянная банка с помутневшим от времени формалином, в котором плавают шестидюймовый комок тараканов, похожий на кулак.

Я взял факел, который Джон украл из ресторана, оформленного «под средние века». Затем снял с полки пластиковую бутылку, заполненную густой зеленой жидкостью. От одного прикосновения жидкость стала кроваво-красной, и поэтому я поставил бутылку на место, прихватив вместо нее «гетто-бластер», винтажный кассетник 1987-го года.

Зайдя в дом, я позвал Молли, вытащил из кухонного шкафа небольшой пластиковый контейнер, отсыпал пригоршню розовых упругих штучек, похожих на ластик, и выскочил за дверь. Собака бежала за мной по пятам.

Шелли жила в обычном деревенском двухэтажном доме, стоявшем на крошечном острове необработанной земли посреди бескрайних кукурузных полей. Черные ставни резко выделялись на фоне белых стен. Мы прошли мимо почтового ящика в виде коровы и увидели на входной двери самодельную табличку: «Морриссон: построено в 1962 г.». Остановившись у входа, мы с Джоном принялись спорить о том, должно ли там стоять двоеточие или тире.

Да, да, знаю. Будь у меня хоть капля ума, я бы удирал оттуда без оглядки.

Джон взошел на крыльцо, толкнул дверь и отскочил в сторону, а я порылся в кармане и вытащил одну из розовых штучек – собачье лакомство в виде крошечного бифштекса с коричневыми полосочками от воображаемого гриля. Именно в тот момент я понял, что они нарисованы только для меня, так как ни одна собака в мире не сообразит, что они символизируют.

– Молли!

Я показал псине «бифштекс» и бросил его за порог. Молли помчалась вслед за лакомством.

Мы наострили уши: не слышно ли, например, как собаку расплющивают о стену? Из дома доносился только топот лап. В конце концов Молли вернулась, глупо улыбаясь, и мы пришли к выводу, что нам ничто не угрожает.

Шелли собралась выразить нам свое неодобрение, но, похоже, передумала.

Мы осторожно заглянули в темную гостиную. Шелли двинулась к выключателю, но я знаком остановил ее.

Джон щелкнул зажигалкой, и над факелом взметнулось пламя высотой в фут. Мы стали медленно осматривать дом. Я заметил, что Джон взял с собой целый термос своего кофе; похоже, намерен провести здесь всю ночь. Да уж, этот напиток вызывает такую изжогу, что не уснешь.

– Где он обычно появляется? – спросил я.

Пальцы Шелли снова вцепились в юбку.

– В подвале. А один раз – в ванной. Его рука... высунулась из унитаза, когда я...

– Ясно. Где вход в подвал?

– На кухне... я не хочу туда идти!

– Все нормально, – успокоил ее Джон. – Посиди на кухне с собакой, а мы осмотрим подвал.

Я недовольно взглянул на него: роль прекрасного рыцаря, спасителя благородных девиц, должна была достаться мне. Шелли села на корточки и принялась гладить собаку, а мы затопали вниз по лестнице, освещая себе путь факелом.

Чистый, современный подвал.

Стиральная и сушильная машины.

Тихо пощелкивающий нагреватель воды.

Огромный напольный морозильник.

– Его здесь нет, – сказал Джон.

– Какой сюрприз.

Джон прикурил от факела.

– Хорошая девушка, да? – спросил он тихо и даже как-то вкрадчиво. – Знаешь, она напомнила мне Эмбер, подругу Дженнифер. Когда она пришла, на секунду мне даже показалось, что это и есть Эмбер. Кстати, Дейв, спасибо, что согласился сыграть роль моего помощника. Не то чтобы я хотел воспользоваться тяжелым положением, в котором оказалась прекрасная дама, но...

Я перестал его слушать и попытался понять, что насторожило меня в этом подвале. Что-то явно выделялось из общей картины, словно двоечник, который поднимает руку, чтобы ответить на вопрос учителя. Джона увлекла роль детектива, и он потянул за белую тряпку, висевшую на огромной раковине.

– Вот это да. Взгляни на эту хрень.

Там лежало белое одеяние, похожее на фартук: большой кусок ткани с длинными завязками. Точнее, отчасти белое – в центре красовалось розоватое пятно выцветшей крови, словно ребенок пытался нарисовать японский флаг.

На меня снова накатила тяжелая, холодная волна ужаса. Я подошел к морозильнику и поднял крышку.

– Ох ты...

Под крышкой лежал пластиковый пакет с застежкой, а в нем – покрытый изморозью язык, длинный, упругий, лиловый и не похожий на человеческий. И это еще не все: хозяева до верха забили морозильник мясом – куски поменьше заботливо упаковали в прозрачные пакеты, а большие завернули в белую бумагу, на которой проступили розовые пятна.

Бумага для упаковки мяса. Белый фартук.

– По-моему, все очевидно, – сказал Джон. – Помнишь истории про инопланетян, которые расчлняют коров? Друг мой, мы только что раскрыли эту тайну.

Я вздохнул.

– Тупица, это же оленина. Отец Шелли, наверное, охотится, а добычу хранят здесь.

На дне морозильника обнаружилась индейка и пара сосисок. Опуская крышку, я чувствовал себя полным идиотом – хотя, как выяснилось позднее, моя ошибка состояла совсем в другом. Время было позднее, да и недосып сказывался, и я перестал соображать.

Пока Джон шарил по ящикам, я огляделся по сторонам в поисках кассетника и вдруг вспомнил, что мы оставили его наверху. Ну и что? Там же Шелли, верно?

– Дейв, помнишь парня, у которого подвал затопило? Он еще клялся, что видел там большую белую акулу длиной в пятнадцать футов.

Я помнил этот случай, но промолчал, боясь упустить мысль, которая ускользала от меня, словно воздушный шарик в ветреный день. Кроме того, в том подвале плавала не большая белая, а обычная тигровая акула длиной футов в восемь, не больше. А когда вода ушла, исчезла и акула, словно испарилась или утекла через трещинки в бетоне.

Думай.

Никак не сосредоточиться... Здесь определенно что-то не так.

Я попытался зайти с другого конца. Джон купил кассетник на гаражной распродаже. В Ветхом завете есть притча о том, как юный Давид прогнал злого духа, играя на гуслях...¹

Минуточку.

– Джон, по-твоему, девушка похожа на Эмбер.

¹ Цар. 16:23 (Здесь и далее – примечания переводчика).

– Ага.

– Но ведь Эмбер ростом почти с меня. Блондинка с пышным бюстом, верно?

– Да, чертовски симпатичная. Ну, то есть...

– И тебе кажется, что Шелли – девушка наверху – на нее похожа?

– Ага. – Мой друг повернулся ко мне. Он уже понял, в чем дело.

– Шелли маленькая. Маленькая голубоглазая брюнетка.

Они поселяются *в голове*...

Джон вздохнул и бросил окурок на пол.

– Черт.

Мы поднялись на одну ступеньку, но тут же замерли: на лестнице сидела Шелли, обхватив Молли за шею. Невинные глаза, настороженный взгляд. Играет свою роль.

Я медленно сделал еще пару шагов.

– Скажите, мисс... мм, извините, я забыл вашу фамилию.

– Зовите меня Шелли.

– Ага, спасибо, но все равно напомните мне, как вас зовут. Терпеть не могу забывать важную информацию.

– Моррис.

Еще один шаг наверх.

– Так я и думал.

Еще одна ступенька. Джон поднялся по лестнице и встал за моей спиной.

– Кому принадлежит дом? – спросил я.

– Что?

– На двери написано «Морриссон». Моррис-сон. Не Моррис. И, кстати, опишите, пожалуйста, свою внешность.

– Я не...

– Как выяснилось, мы с Джоном представляем вас себе совершенно по-разному. Конечно, у Джона слабое зрение, ведь он постоянно мастурбирует, но вряд ли...

Она озмеилась.

Да, именно так. Ее содержимое вытекло на пол, превратившись в темный шевелящийся клубок длинных черных змей, которые поползли вниз по лестнице, перекачиваясь друг через друга. Мы пинали тварей ногами, когда они подбирались слишком близко, а Джон еще и хлестал их факелом.

Чешую змей покрывали странные пятна – светлые, словно кожа Шелли, или пестрые, словно цветы на ее юбке. У одной из тварей в боку сидел судорожно дергавшийся человеческий глаз с голубой радужкой.

Молли отпрыгнула и залаяла – поздно вато, как мне показалось, – а затем набросилась на одну из змей. Продемонстрировав тем самым свое усердие, она рванулась наверх и исчезла в проеме.

Мы помчались вслед за ней, попутно отбиваясь от скользких тварей, однако тут люк захлопнулся.

Я потянулся к ручке, и в ту же секунду она порозовела, начала менять форму и в конце концов приняла вид обвислого члена. «Член» зашлепал о дверь, словно какой-то мужчина пытался просунуть его из кухни в подвал.

Я повернулся к Джону.

– Дверь не открыть.

Мы бросились вниз по лестнице. Змеи, напуганные светом факела, исчезли под полками и среди картонных коробок.

В подвал потекло дерьмо.

Из дренажного отверстия в полу полилась коричневая жижа, распространявшая невыносимое зловоние. Я огляделся в поисках окна, через которое можно вылезти, но ни одного не заметил. Лужа экскрементов растекалась по комнате, огибая подошвы моих ботинок.

– Есть! – крикнул Джон, стаскивая с полки пластиковый ящик и залезая на него.

Он немного постоял, безмолвно возвышаясь над морем дерьма, а затем обратил внимание на меня.

– Что ты делаешь? Давай, вытаскивай нас отсюда! – завопил он.

Подозрительно теплая масса уже добралась до моих лодыжек. Я поднял глаза к потолку и зашлепал по подвалу, пока наконец не нашел то, что искал: отверстие рециркулярного воздухопровода, связывавшего подвал с первым этажом. На одной из стен висел щит с инструментами; я снял с него длинную отвертку, засунул ее в бороздку между трубой и полом, а затем потянул вверх. Конструкция оторвалась от пола, скрипя, словно дюжина гвоздей, которые одновременно вытаскивают из доски.

Я взялся за край трубы, почувствовав, как металл впился в ладони, и рванул трубу вниз. В потолке показалось квадратное отверстие, перекрытое металлической решеткой. Подпрыгнув, я сбил решетку рукой, затем еще раз подпрыгнул и ухватился за пол первого этажа, ощутив под пальцами ковролин. Бешено извиваясь и дергаясь, я подтянулся и вылез в гостиную.

Через пару минут в дыре показался огонек, затем факел, и наконец рука Джона. Вскоре мы уже стояли посреди комнаты, тяжело дыша и оглядываясь.

Ничего.

Внезапно со всех сторон на нас хлынул низкий, пульсирующий звук – смех, сухой и неприятный, похожий на кашель. Казалось, кашляет сам дом, извергая воздух из легких, сделанных из дерева и штукатурки.

– Козел, – сказал Джон.

– Я завтра же сменю номер мобильного, и новый ты не получишь. А пока что давай разберемся с этим делом.

Мы оба понимали, что должны выманить поганую тварь. Джон протянул мне зажигалку.

– Зажги свечи, а я душ приму.

Мы с Молли пошли в комнату, где лежал кассетник и остальное снаряжение. Я расставил свечи по всему дому – ровно столько, чтобы создать жутковатую обстановку.

Джон залез под душ и начал причитать, заглушая шум воды:

– Ой, мамочки! Здесь так темно! А я в душе, один-одинешенек, голый и беззащитный!

Я нашел еще одну ванную комнату и смыл с ног коричневую жижу. Затем немного побродил по дому, обнаружил спальню и со вздохом улегся на кровать. Было почти четыре утра.

Дело может затянуться на несколько часов или даже дней, ведь время – это все, что у них есть. Молли плюхнулась на пол рядом с кроватью; я потянулся погладить собаку. Псина лизнула мою руку. Зачем собаки это делают? Может, в следующий раз мне тоже стоит облизать кому-нибудь пальцы – дантисту, например?

Через двадцать минут в комнату вошел Джон, завернутый в самое маленькое полотенце из тех, что были в доме.

– Кажется, я нашел ход на чердак, – тихо сказал он. – Надо проверить, нет ли там большого и страшного шкафа, в котором могла бы спрятаться эта тварь.

Я кивнул.

– О нет! Это ловушка! Мы совсем одни! Я иду за подмогой! – воскликнул мой друг, повысив голос, словно театральный актер.

– Да, давай разделимся, – громко ответил я.

Джон вышел из спальни, а я попытался расслабиться и, может, даже вздремнуть. Призраки обожают подкрадываться к спящим. Я почесал голову Молли и...

* * *

Сон. Язык лизал мне руку. Тихо журчала вода в соседней комнате. Мне снилось, что какая-то тень, отделившись от стены, поплыла в мою сторону. Почти все мои сны такие: в них случается то, что так или иначе уже происходит в действительности.

Я открыл глаза. Правая рука по-прежнему свисала с матраса, а шершавый язык продолжал усердно полировать мой безымянный палец. Сколько я провел в отключке – полминуты, два часа?

Я сел и попытался освоиться в темноте. В ванной стояла свеча, и в коридоре мерцал ее слабый свет.

Я тихо слез с постели, вышел из комнаты и, ведя рукой по шершавой штукатурке, пошел по коридору – туда, откуда доносился звук и свет. В конце концов я добрался до ванной, где слышался плеск воды. Нет, не плеск – хлюпанье. Я заглянул в ванную.

Молли пила воду из унитаза. Заметив меня, она посмотрела на меня с особым, кошачьим, выражением, словно говоря: «Чем могу помочь?»

«Она только что лизала мне руку, а теперь тем же языком лакает воду, в которой плавают кашаки...» – рассеянно подумал я.

Если Молли здесь, значит, под кроватью не она.

Я взял с полочки свечу; ее свет окружил меня неровным ореолом, разгонявшим тени. Вернувшись в спальню, я подошел к кровати и увидел...

Мясо. Десятки обернутых, а теперь уже частично развернутых кусков мяса из морозильника были аккуратно, почти ритуальным образом, уложены в виде человеческой фигуры на полу рядом с кроватью.

Головой служила замороженная индейка в упаковке, а между птицей и торсом торчал олений язык – он двигался по своей собственной воле.

Хм. Это что-то новенькое.

Внезапно индейка, язык и кусок мяса с ребрами взмыли в воздух, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности.

«Человек» поставил на пол ладони с пальцами-сосисками и начал приподниматься на руках, сделанных из кур и бекона. В моей голове промелькнула фраза «изнасилован сосисочным полтергейстом». Наконец фигура встала во весь рост: теперь она походила на рекламу лавки мясника, который все свои деньги тратит на наркоту.

– Джон! У нас тут... э-э... кое-что.

Фигура, примерно семи футов ростом, ворочала головой-индейкой из стороны в сторону, изучая комнату. Язык бесполезно болтался. Мясной человек протянул ко мне сосиску.

– Ты.

Слово прозвучало обвинением. Неужели нам уже приходилось иметь дело с этой тварью? Сомневаюсь... Впрочем, у меня плохая память на лица.

– Шесть раз ты мучил меня. Но теперь тебе настал холодец!

Возможно, на самом деле он сказал «конец», а не «холодец»; переспрашивать я не стал.

– Джон, Джон! Ситуация «пятьдесят три»! – завопил я, бросаясь наутек.

Существо погналось за мной; шлепая по полу ногами, сделанными из ветчины. Свеча погасла.

Заметив дверь справа, я резко затормозил, распахнул ее и метнулся в темноту. Полки с бельем ударили меня в нос и, ошеломленный, я выпал из стенового шкафа.

Мясной человек ухватил меня за шею холодными сосисками, поднял и прижал к стене.

– Я разочарован. Ведь мы столько раз сходились в поединке – и в пустыне, и в городе. Ты думал, что победил меня в Венеции, верно?

Пораженный тем, что существо может говорить, я с трудом уловил смысл его слов.

Венеция?

Он сказал «Венеция»? Что происходит?

В эту секунду в комнату невозмутимо вбежала Молли, словно в ее собачьем мире все было тип-топ. Заметив, что в комнате есть мясо, собака радостно вцепилась зубами в батон вареной колбасы, служивший гиганту лодыжкой.

– ААААААА!!!

Существо уронило меня на пол. Я вскочил и бросился вниз по лестнице; мясной человек помчался за мной.

У лестницы стоял Джон с кассетником в руках.

Заметив его, монстр остановился на полпути; индейка – голова без глаз – уставилась на магнитофон, словно понимая, какую угрозу таит в себе это устройство.

О, как, наверное, выл и стонал тот демон из Ветхого завета, завидев в руках юного Давида гусли – древний волшебный артефакт, способный разогнать любую тьму. Похоже, мясное чудовище тоже сообразило, что сейчас произойдет; оно знало, что мы черпаем силу из того же магического источника, что и библейский герой.

Джон кивнул, словно говоря: «Шах и мат».

И нажал кнопку воспроизведения.

Комнату заполнила хрустально чистая мелодия, одна из тех, что вселяют надежду в сердца людей и гонят прочь силы зла – песня «Here I Go Again» группы «Whitesnake».

Чудовище прижало руки к индейке в тех местах, где полагалось быть ушам, и упало на колени. Джон выставил перед собой магнитофон, словно священную реликвию, и пошел вверх по лестнице, приближая источник звука к монстру. Кожа чудовища, покрытая хрящами и прожилками сала, трепетала в агонии.

– Получай! – завопил Джон, внезапно расхрабравшись. – По-моему, ты какой-то хилый! Одна кожа да кости, а где же *мясо*?!

Существо схватило за живот – от боли, подумал я.

Внезапно оно вытащило банку консервированной ветчины и метнуло ее в кассетник, как бейсболист бросает мяч. Джон среагировать не успел.

Прямое попадание. Во все стороны полетели искры и куски пластмассы. Джон выронил магнитофон, и тот с грохотом упал на ступеньки.

Оставшись без оружия, мой друг прыгнул вниз; чудовище вскочило и сцапало Джона за шею. Затем оно потянулось ко мне, но я увернулся, схватил со стола термос и выплеснул кофе на руку, державшую Джона.

Мясной монстр завопил: его рука задымилась, пошла волдырями и вспыхнула. Затем она обуглилась, выскочила из сустава и шмякнулась на паркет. Высвободившись, Джон упал на колени и принялся судорожно глотать воздух.

Чудовище завывало и рухнуло на пол, протягивая ко мне оставшуюся у него руку.

– Ты никогда не одолеешь меня, Маркони! Я запечатал все входы и выходы. Тебе не выбраться отсюда!

Я подбоченился и уверенно подошел к монстру.

– Маркони? Тот самый доктор/священник Маркони? Парень, который ведет передачу «Тайны магии» на канале «Дискавери»?

Джон подошел ближе и уставился на раненное существо.

– Идиот. Маркони седой уже, ему лет пятьдесят – больше, чем нам с Дейвом вместе взятым. Сейчас твой кровный враг, наверное, читает очередную лекцию, стоя по пояс в собственных деньгах.

Мясной человек повернул индейку в мою сторону.

– Давай так, – начал я. – Мы сведем тебя с Маркони, ты сам с ним разберешься, а нас отпусти подобиру-поздорову. Как тебе такая мысль?

– Ты лжешь!

– Вот еще! Сюда я его привести не могу, а такое могущественное существо, как ты, способно уничтожить его и на расстоянии, верно?

Я вытащил из кармана мобильник, набрал номер, пообщался с секретарем, затем с пресс-агентом, потом с телохранителем, с оператором, снова с секретарем и, наконец, с личным помощником, который соединил меня с Маркони.

– Это Маркони. Секретарь говорит, что там у вас какое-то мясное чудовище?

– Ага. Минутку.

Я протянул телефон Мясному.

– Ну что, по рукам?

Существо встало, секунду промедлило и, наконец, кивнуло индейкой. Я мрачно взглянул на Джона, надеясь передать ему информацию о «плане Б», который заключался в том, что я удираю через окно, пока монстр выбивает дух из Джона. И к черту девицу с «бойфрендом-призраком». Маркони ни за что не попался бы на эту удочку.

Связка сосисок взяла из моей руки телефон.

– Итак! *Мясново* встретились, Маркони! Ты думал, что победил меня, но я...

Внезапно чудовище превратилось в шар адского синего пламени и, оглушительно завопив, покинуло наш мир. Куски мяса один за другим безжизненно рухнули на пол, а рядом с ними с грохотом упал мой мобильник.

Тишина.

– Во дает! – восхищенно воскликнул Джон.

Я поднял телефон, желая спросить у доктора, что он сделал с монстром, – но на линии уже был секретарь. Маркони даже поздороваться с нами не захотел.

Джон сделал движение рукой, как будто сметая невидимую пыль.

– Глупо как-то вышло...

Входная дверь легко открылась; кто знает, может, она вовсе и не была запечатана. Мы немного прибрались в доме и, не найдя ни одного связанного или расчлененного Морриссона, пришли к выводу, что семья действительно поехала отдыхать, как и сказала «Шелли». Дерьмо в подвале исчезло, но поставить трубу на место мне так и не удалось. Мясо мы, как смогли, сложили в морозильник – правда, не все.

Когда я добрался до дома, солнце уже растворялось в вечернем небе. Открыв сарай, я занес в него сломанный кассетник, затем налил формалина в пустую стеклянную банку и бросил в нее олений язык. Банку я поставил на полку – рядом с набитой обезьяньей лапой, вытянувшей два пальца вверх. Потом я запер сарай и пошел спать.

Из дневника Дэвида Вонга

Книга I. «Китай-еда!»

Глава 1. Левитирующий «ямаец»

Говорят, что Лос-Анджелес похож на сюжет «Волшебника из страны Оз»: только что ты был в провинциальных черно-белых пригородах, как вдруг – бац! – мир сияет всеми цветами радуги, а ты в центре шоу уродов, с карликами и всем прочим.

К сожалению, эта история случилась не в Лос-Анджелесе.

А случилась она в маленьком городке на Среднем Западе. Сам городок останется неназванным по причинам, которые станут ясны позже. Я сидел в ресторане «Китай-еда!», принадлежавшем двум братьям-чехам, которые, судя по всему, мало что знали и о Китае, и о еде. Месяц назад там находился мексиканский бар и гриль, потому я это место и выбрал. Новое заведение открылось совсем недавно, на одной из стен еще сохранилась грубо намалеванная фреска с изображением смуглой женщины, скачущей верхом на быке. В одной руке женщина гордо держала мексиканский флаг, а другой прижимала к боку буррито размером со свинью.

Городок достаточно велик для четырех «макдоналдсов», а для бомжей маловат, редко когда встретишь одинокого попрошайку. Такси есть, но по улицам они не разъезжают, так что «поймать машину», просто сойдя с тротуара, невозможно – нужно вызывать по телефону, и к тому же они не желтые.

Погода в этой части Америки меняется взрывообразно, и реактивный поток за хвостом самолета извивается в небе, словно рассерженный бог-змея. Помню, однажды температура поднялась до ста восьми ², а потом упала до минус восемнадцати. А в другой раз температура за восемь часов изменилась на сорок три градуса. Кроме того, мы в «Долине торнадо», так что каждую весну из воздуха материализуются крутящиеся и воюющие угольно-черные демоны и, словно гигантские блендеры, разносят в клочья дома-автоприцепы.

А так город неплохой, честное слово.

Правда, безработица здесь высокая. В нашем городе два неработающих завода и один торговый центр, который обанкротился, не успев открыться, и теперь потихоньку гниет. Совсем рядом штат Кентукки, неофициальная граница Юга, так что здесь более чем достаточно пикапов, украшенных флагами Конфедерации и лозунгами, провозглашающими превосходство одной марки машин над всеми остальными. Здесь много радиостанций, передающих музыку «кантри», здесь часто шутят про «ниггеров». Здесь есть канализация, которая время от времени по неизвестной причине извергает свое содержимое на улицы. Здесь полным-полно бродячих собак, в том числе гротескно уродливых.

Ну да, хреновый городишко.

В этом городе без названия творится много такого, о чем не сообщает Торговая палата – например, о том, что психических расстройств на душу населения здесь в четыре раза больше, чем в любом другом городе штата. Или о том, что в 80-х Управление по охране окружающей среды попыталось выяснить причину этого явления и очень осторожно взяло пробы из местного источника питьевой воды. Неделию спустя главного инспектора, занимавшегося этим делом, нашли мертвым в одной из водонапорных башен. Как он туда попал, осталось загадкой: диаметр самого большого отверстия, ведущего в резервуар, равен всего десяти дюймам. Еще одна странность заключалась в том, что веки инспектора были не просто закрыты, а заплавлены, но это уже совсем другая история.

² Здесь и далее температура указана по шкале Фаренгейта.

Кстати, меня зовут Дэвид. Привет. Однажды я видел, как почка одного парня отрастила щупальца, прорвала у него дыру в спине, вылезла наружу и зашлепала по полу у меня на кухне.

Я вздыхал и безучастно смотрел из окна «Китай-еды!», время от времени поглядывая на мигающие электронные часы над входом в здание кредитного союза через дорогу. Часы показывали 18:32. Репортер опаздывал.

Я не хотел никому говорить про меня, Джона и про то, что происходит в Неназванном (и, наверное, во всех остальных тоже), – а все потому, что я становлюсь похожим на психа, когда рассказываю эту историю. Я представил, как изливаю душу этому парню, несу чушь про тени, червей, Коррока и Фреда Дерста, солиста группы «Limp Bizkit», – причем на фоне грубо намалеванного буррито. Как сделать так, чтобы это не превратилось в полный бред?

«Хватит, – сказал я себе. – Уходи. На смертном одре ты еще пожалеешь о том, что потерял столько времени в ожидании».

Я начал вставать из-за стола, но замер на полпути. Мой желудок вздрогнул, словно от удара током; я почувствовал, что начинается очередной приступ головокружения, и рухнул на стул. По телу периодически пробегала дрожь, словно я проглотил вибратор. Побочные эффекты. Если я под «соусом», так происходит всегда. Шесть часов назад я принял дозу.

Я сделал несколько медленных, глубоких вдохов, пытаюсь сбросить обороты, притормозить, остыть, а затем повернулся и стал смотреть на миниатюрную азиаточку-официантку. Она несла тарелку жареного риса с курицей бородатому малому, сидевшему в другом конце зала.

Прищурившись, я за полсекунды насчитал на тарелке 5829 зерен риса. Рис выращен в Арканзасе; прозвище комбайнера – «Дырка».

Я не гений, вам кто угодно подтвердит – хоть мой папаша, хоть учителя Восточной средней школы города Неназванный, – их даже уговаривать не придется. И я не ясновидящий. Это просто побочные эффекты.

По телу снова пронеслась дрожь – стремительная, словно волна адреналина, которая накатывает в тот момент, когда слишком далеко откидываешься на спинке стула. Пожалуй, стоит подождать, пока она пройдет. Кроме того, мне еще не принесли «Воссоединение огненных креветок» – блюдо, которое я заказал только из-за названия. Есть совершенно не хотелось.

Передо мной лежали столовые приборы, завернутые в салфетку, а чуть в стороне от них стоял стакан чая со льдом. В нескольких дюймах от него находился еще один предмет, думать о котором в тот момент мне не хотелось. Я развернул столовые приборы, закрыл глаза, коснулся вилки – и немедленно узнал, что ее изготовили в Пенсильвании шесть лет назад, в четверг, и что один парень счищал этой вилкой собачье дерьмо со своего ботинка.

«Потерпи пару дней, – заговорил голос в моей голове. – Завтра или послезавтра ты откопешь глаза, и все снова будет в порядке. Ну, почти. Ты так и останешься глуповатым уродом, а время от времени у тебя будут возникать видения, от которых ты...»

Тут я открыл глаза и вздрогнул: напротив меня сидел человек. Я не услышал, не почувствовал и не почувствовал, как он пришел. Это репортер, который говорил со мной по телефону?

Или ниндзя?

– Привет, – промычал я. – Вы Арни?

– Да. Задремали?

Мы пожали друг другу руки.

– Мм, нет. Мне что-то попало на веко, и я пытался проморгаться. Я – Дэвид Вонг. Рад познакомиться.

– Извините, что опоздал.

Арни Блондстоун выглядел именно так, как я его себе представлял – немолодой, неровно подстриженный, с широким лицом, на котором криво сидели усы. Он отлично смотрелся бы с сигарой во рту. Серый костюм, который, похоже, старше меня, и галстук, завязанный толстым узлом.

Блондстоун сказал, что он – репортер из крупного журнала, что хочет написать статью о нас с Джоном. Ко мне уже обращались с просьбами дать интервью, но это первое предложение такого рода, которое я принял. Посидев в Интернете, я выяснил, что Блондстоун пишет странноватые статьи на тему «Это интересно»: про человека, который рисует пейзажи на старых лампочках, про женщину, у которой шестьсот кошек, – в общем, истории, над которыми можно посмеяться у офисной кофеварки, шоу уродов для воспитанных людей.

Арни посмотрел мне в лицо чуть дольше, чем следовало, увидел капельки холодного пота, бледную кожу и копну волос. Но об этом он говорить не стал.

– Вы не похожи на выходца из Азии, мистер Вонг.

– Потому что я не азиат. Я родился в [Неназванном], а имя сменил для того, чтобы меня было труднее найти.

Арни скептически посмотрел на меня, и я предположил, что таких взглядов будет еще очень, очень много.

– Как это?

Я прикрыл глаза, и мой мозг утонул в изображениях 103 миллиардов людей, родившихся с момента возникновения нашего вида: целый океан людей – живущих, размножающихся и умирающих, словно клетки огромного организма. Я крепко зажмурился и попытался очистить сознание, представив себе сиськи официантки.

– Вонг – самая распространенная фамилия в мире. Чтобы найти меня в «гугле», придется просеять хренову кучу результатов.

– Ну хорошо. Вы из этих мест?

Значит, переходим к самой сути.

– Меня усыновили, так что отца я никогда не видел. Откуда мне знать, может, он – это вы. Мой папа – вы?

– Гм, вряд ли.

Я попытался понять, задавал ли он вопросы для разминки, или обо всем знал заранее. Мне показалось, что второе.

Возможно, стоит пойти ва-банк. Ведь именно для этого мы встретились, верно?

– Мои приемные родители уехали отсюда, а куда – не скажу. Все равно, доставайте ручку, записывайте. Мою биологическую мать отправили в психбольницу.

– Наверное, вам пришлось очень тяжело. А почему...

– Она употребляла крэк, ела человеческое мясо, пила кровь и увлекалась шаманизмом. И еще поклонялась дьяволу. Все пособие спускала на черные свечи. Конечно, время от времени дьявол оказывал ей кое-какие услуги, но вы же знаете – за них всегда нужно расплачиваться. Всегда.

Арни помолчал.

– Это правда?

– Нет. Когда нервничаю, я несу всякую чушь. На самом деле, у нее просто было биполярное расстройство, она домашнее хозяйство вести не могла. Но ведь первая история лучше, верно? Опубликуйте ее.

Арни бросил на меня искренний взгляд, отработанный за долгие годы журналистской практики.

– Я думал, что вы хотите поведать миру правду – по крайней мере, вашу версию правды. Иначе почему мы вообще пришли сюда, мистер Вонг?

Потому что женщины могут вытянуть меня во что угодно.

– Вы правы. Прошу прощения.

– Ну, раз уж мы коснулись этой темы: учебу вы заканчивали в спецшколе...

– Просто недоразумение, – солгал я. – Стоит пару раз подраться, и на тебя уже вешают ярлык «эмоционально неуравновешенный». Подумаешь, милые детские шалости! На меня никто даже в суд не подал. Сумасшествие по наследству не передается.

Арни пристально посмотрел на меня. Мы оба знали, что доступ к делам несовершеннолетних ограничен, так что журналисту придется поверить мне на слово. Я подумал о том, в каком виде это найдет отражение в статье, особенно учитывая тот факт, что я собираюсь поведать ему совершенно безумную историю.

Блондстоун перевел взгляд на маленький плоский контейнер из полированного металла. Наверное, этот предмет показался журналисту совершенно безвредным – чем-то вроде челнока для швейной машинки или стильной таблетницы. Я накрыл контейнер ладонью: поверхность была ледяной на ощупь, словно он всю ночь пролежал в морозилке. Эта вещь всегда такая, даже если продержать ее целый день под палящим солнцем.

Арни, я могу перевернуть твой мир. Если ты узнаешь, что находится в этом контейнере, то до самой смерти не сможешь спать по ночам, смотреть кино, никогда не почувствуешь себя частью человечества. Но мы еще не готовы к этому, пока не готовы. И, черт побери, ты точно не готов увидеть то, что лежит у меня в багажнике...

– В любом случае, – снова начал Арни, – стыдиться психических заболеваний не стоит. Все мы время от времени боеем, так уж устроен человек, верно? К примеру, я только что был к северу отсюда, общался там с человеком по имени Фрэнк Кампо – дорогим адвокатом, который провел две недели в психиатрической лечебнице. Вы его знаете?

– Да, я знаком с ним.

– Сам Фрэнк отказался со мной разговаривать, но его родные утверждают, что у него галлюцинации – почти каждый день. Однажды он попал в аварию, и после нее ему становилось все хуже и хуже, а на День благодарения он совсем спятил. Жена внесла в комнату индейку, вот только Фрэнк увидел на блюде не птицу, а младенца с начинкой во рту – хорошо прожаренного, с золотистой корочкой. После этого случая Фрэнк совсем слетел с катушек и несколько недель вообще ничего не ел. Такое стало происходить с ним регулярно: врачи сказали, что это последствия аварии, мол, поврежден мозг, ничего нельзя сделать. Верно?

– Ага. Примерно так все и было.

Арни, ты умолчал о самом странном – о причине аварии. О том, что он увидел в машине...

– А теперь он здоров, – сказал Арни.

– Вам врачи сказали? Ну, значит, повезло Фрэнку.

– Говорят, его вылечили вы с вашим другом.

– Ну да, мы с Джоном постарались. Честное слово, я рад, что у Фрэнка все хорошо.

Арни кисло улыбнулся. Черт побери, вы только посмотрите на этого психа с его идиотскими космами, с его дурацкой коробочкой для пилюль; вы только послушайте его бредовые речи.

Сколько лет ты копил в себе цинизм, чтобы создать такую ухмылку? От одного ее вида жить не хочется.

– Расскажите мне про Джона.

– Что, например? Ему двадцать с лишним лет, мы вместе учились в школе. Кстати, на самом деле его зовут не Джон.

– Можно я угадаю?

На меня снова хлынул поток изображений: человечество распространяется по земному шару, словно плесень по апельсину в замедленной киносъемке.

Думай про сиськи. Сиськи. Сиськи. Сиськи.

– ...Джон – самое распространенное имя в мире.

– Верно, – согласился я. – Но при этом в мире нет ни одного Джона Вонга. Я проверял.

– Знаете, у меня есть коллега по имени Джон Вонг.

– Правда?

– Сменим тему, – сказал Блондстоун, отмечая про себя, что этот Дэвид Вонг при случае может и соврать.

Мать честная, Арни, ты еще не слышал эту историю целиком. Если твой детектор вранья очень чувствительный, то через пару минут он взлетит на воздух, прихватив с собой половину квартала.

– У вас даже фанаты появились, верно? – спросил он, глядя на страничку в блокноте, уже исписанную каракулями. – Я нашел в сети пару форумов, посвященных вам, вашему другу и... вашему хобби, скажем так. Значит, вы спириты? Экзорцисты? Что-то в этом роде?

Ладно, хватит тянуть кота за хвост.

– Арни, у вас в кармане восемьдесят три цента, – выпалил я. – Три четвертака, монета в пять центов и три пенни. Пенни датированы тысяча девятьсот восемьдесят третьим, тысяча девятьсот девяносто третьим и тысяча девятьсот девяносто девятым годом.

Блондстоун самодовольно ухмыльнулся, словно желая показать, что он здесь самый умный и самый большой скептик. Затем выгреб из кармана монеты, осмотрел их и признал мою правоту.

– Будь я проклят! Неплохой фокус, мистер Вонг! – воскликнул Арни, нервно рассмеявшись, и стукнул кулаком по столу так, что нож с вилкой звякнули.

– Если подбросить пятицентовик десять раз, – продолжал я, – выпадет орел, орел, решка, орел, решка, решка, решка, орел, решка, решка.

– Я не хочу тратить время на то, чтобы...

На мгновение мне даже стало жаль Арни, но тут я вспомнил его усмешку и дал залп из главного калибра.

– Вчера ночью вам снилось, что ваша мать гонится за вами по лесу и бьет вас кнутом, сделанным из членов.

Ухмылка исчезла, словно здание, стертое с лица земли взрывом. Новое выражение лица журналиста привело меня в полный восторг.

Да, Арни, все твои знания устарели.

– Я весь внимание, мистер Вонг.

– Дальше будет лучше. Намного лучше.

Чушь собачья. Дальше будет только хуже. Гораздо хуже.

– Все началось пару лет назад, в апреле, – сказал я. – Мы только-только окончили школу. Так вот, однажды мой друг Джон пришел на вечеринку...

* * *

Вечеринка, такой стихийный Вудсток, проходила на поле у озера, расположенного в нескольких минутах езды от Неназванного. Посреди поля соорудили сцену, уложив на землю несколько деревянных поддонов, а к ближайшему сараю протянули подключенные к усилителям кабели, петлявшие в траве, словно длинные оранжевые змеи. Кажется, какой-то парень решил отпраздновать свой день рождения. Точно не помню.

На вечеринку я пришел вместе с Джоном и его группой «Трехрукая Салли». Около девяти часов вечера мы – Башка (ударник), Уолли Браун (бас-гитара), Келли Смоллвуд (бас-гитара), Манч Ломбард (бас-гитара) и я – вышли на сцену под вялые аплодисменты сотни зрителей. За спиной у меня висела гитара, хотя сам я ни на чем играть не умею, да и мое пение, скорее всего, у людей вызывает разрыв барабанной перепонки, а собак убивает на месте. Джона – певца и гитариста группы – на сцене еще не было.

К потрескивающему усилителю «Пиви» скотчем был приклеен сет-лист.

Верблюжий холокост
Голубой Супермен
Stairway to Heaven ³
Я люблю снежного человека
Тридцать причин ненавидеть Чеда Уэллсберга
Love Me Tender ⁴

– Спасибо, что пришли, – сказал я в микрофон. – Это моя группа «Трехрукая Салли», и сейчас мы, как говорится, снесем вам крышу.

Толпа пробурчала что-то в ответ, не выразив особого энтузиазма. Башка ударил по барабанам, а я перекинул гитару через плечо и приготовился «рубить рок».

Внезапно все мое тело скрутило, словно от невыносимой боли. Колени подогнулись, и я рухнул на сцену, стиснув голову руками и заверещав, как раненый зверь. Падая, я успел провести ногтями по струнам, и усилители завывли от эффекта обратной связи. Толпа ахнула, а я еще немного побился в конвульсиях и наконец замер.

Манч подбежал, присел на корточки рядом со мной и, словно заправский врач «скорой помощи», коснулся моей шеи, пытаясь нащупать пульс. Затем встал и повернулся к микрофону.

– Леди и джентльмены, он умер.

Подвыпившие зрители испуганно зашептались.

– Стойте! Пожалуйста, послушайте меня. Успокойтесь.

Манч подождал, пока все затихнут.

– Концерт состоится. Кто-нибудь из вас умеет играть на гитаре и петь?

Из толпы вышел высокий парень с огромной копной курчавых волос, похожей на прическу «афро». На нем была оранжевая майка с надписью, сделанной по трафарету: «БОЛЬНИЦА ВИСТА-ПАЙНС ДЛЯ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ». Последние два слова зачеркнуты черным маркером, а над ними коряво выведено «НЕПСИХОВ».

– Ну, я играю маленько, – сказал Джон, имитируя акцент южанина.

Келли, в соответствии со сценарием, пригласил его на сцену. Джон вырвал гитару из моих неподвижных рук, Уолли с Башкой бесцеремонно стащили меня с поддонов и бросили в траву, после чего группа заиграла вступление к «Верблюжьему холокосту». Все концерты «Трехрукой Салли» начинались именно так.

Был у меня знакомый,
Нет, тут я наврал.
Топот! Топот! Тоопот!
Верблюжий холокост! Верблюжий холокост!

Все это – включая майку с логотипом – придумал Джон. У него есть ужасное свойство – воплощать в жизнь идеи, которые приходят в голову ночью, в пьяном угаре. У остальных уже день, и хмель давно прошел, но для Джона в любое время суток – три часа ночи.

Я лег на спину и уставился в ночное небо. Несколько часов назад прошел дождь, и отмытые звезды сияли на небе, словно драгоценности на черном бархате. Музыка доносилась до меня в виде подземного гула, свитер насквозь промок, а я лежал и смотрел на самоцветы веч-

³ *Stairway to Heaven* – знаменитая композиция группы «Led Zeppelin».

⁴ *Love Me Tender* – баллада времен Гражданской войны, стала поп-хитом в исполнении Элвиса Пресли.

ности, которые Бог натер до блеска рукавом рубахи. Этот последний момент абсолютного спокойствия нарушил собачий лай, и моя жизнь превратилась в ад.

Собака была рыжей, даже какой-то ржавой – ирландский сеттер, лабрадор или, может, шотландская ржавая борзая. В породах собак я не разбираюсь. Опьяненная свободой, она, словно четвероногая шаровая молния, бешено носилась среди людей, волоча за собой длинную тонкую цепь, пристегнутую к ошейнику.

Псина присела, пописала, а затем, отбежав, повторила эту процедуру уже в другом месте, помечая весь мир как свою территорию. Потом она примчалась ко мне, шурша по траве цепью, и обнюхала мои ботинки. Решив, что я мертв, собака принялась исследовать мои джинсы – видимо, в надежде на то, что перед смертью я положил в карман немного вяленой говядины.

Я хотел погладить псину, но она шарахнулась в сторону. В этот момент она походила на девушку, которая боится, что ты испортишь ей прическу.

На ошейнике болталась медная бирка с надписью: «Я – Молли. Пожалуйста, верните меня...» – и адрес в Неназванном. До ее дома было миль семь, не меньше. Интересно, сколько времени ушло у собаки на то, чтобы выгравировать эту надпись?

Сообразив, что дружба со мной не принесет больших дивидендов, Молли помчалась прочь. Я последовал за ней, твердо решив посадить ее в машину и вернуть хозяевам. Они, должно быть, обезумели от горя. Наверняка собака принадлежит маленькой девочке, которая все глаза себе выплакала. Или паре студентов, которые пытаются пережить боль утраты, делая друг другу эротический массаж.

Когда гонишься за собакой, сложно выглядеть крутым; а я и так бегаю как девчонка. Время от времени Молли недовольно оглядывалась на меня и ускоряла бег. Круглым путем мы пересекли поле, и тут раздался вопль, от которого у меня похолодело внутри, – тонкий, пронзительный, почти свист. Такой звук издают только два существа: африканский попугай-жако и пятнадцатилетняя самка человека. Я развернулся и пошел туда, откуда донесся вопль; собака внимательно посмотрела на меня и побежала в противоположном направлении. Я огляделся...

А, они уже смеются. В стороне от сцены стоял чернокожий парень с дредами, в пальто и растаманском берете – похоже, малый рассчитывал произвести впечатление своим внешним видом. Парня окружила стайка девочек. «Еще! Еще!» – кричали они, выпучив глаза и прикрывая ладошками распахнутые от удивления рты. Судя по их реакции, я предположил, что наткнулся на самое жуткое существо из тех, которых можно встретить на вечеринках: на фокусника-любителя.

– Боже мой! – воскликнула девушка, стоявшая ближе всех ко мне. – Он левитировал!

Одна из зрительниц побледнела и готова была расплакаться; другая всплеснула руками и пошла прочь.

Доверчивость – это нож, приставленный к горлу цивилизации.

– Высоко? – хмуро спросил я.

«Ямаец» посмотрел на меня так, словно он – жрец вуду, пытающийся пронзить взглядом противника. Видимо, предполагалось, что после этого в моей голове завоет терменвокс.

– Чувак, все без ума от скептиков, – сказал парень. Его выговор походил одновременно на речь жителя Ямайки, ирландца и пирата из фильма.

– Покажи! Покажи ему! – завопила пара девиц.

Не знаю, с чем связана моя потребность обламывать кайф таким людям. Наверное, мне нравится считать себя поборником здравомыслия. Но в тот вечер я, похоже, просто злился, что ночью «ямаец» сможет заняться сексом, а я нет.

– Левитация а-ля Бальдуччи, дюймах в шести над землей? – спросил я. – Та, которую демонстрировал в своем телешоу Дэвид Блейн, этот мошенник от магии? Все что нужно для такой левитации – это крепкие лодыжки и немного актерского мастерства, верно?

И тупые пьяные зрители...

Взгляд «ямайца» остановился на мне, и я занервничал. Это ощущение было знакомо мне еще со школы. Внезапно я понял, что влип и что до сих пор не научился искусству самозащиты. В таких городах, как Неназванный, где по пятницам пьяные драки в барах напоминают уличные бои после выборов в странах третьего мира, умникам вроде меня нужно держать рот на замке.

И тут фокусник улыбнулся во все тридцать два белоснежных зуба. Какой обаяшка.

– Так... чем же удивить мистера Скептика? А, смотрите-ка... Ты уши сегодня мыл?

«Ямаец» потянулся к моему уху, и я притворно ахнул, ожидая, что он вытащит оттуда блестящий четвертак. Но у него в кулаке оказалась не монета, а длинная черная сороконожка. Растаман поворачивал руку и так, и сяк, а насекомое, извиваясь, ползало по ней. Одна из девушек взвизгнула.

Зажав сороконожку между большим и указательным пальцами, «ямаец» выставил ее на всеобщее обозрение. Другую его ладонь обматывали несколько слоев пластыря. Этой рукой он провел перед существом, и оно мгновенно исчезло. Девушки ахнули.

– Неплохой фокус, – сказал я, посмотрев на часы.

– Чувак, хочешь узнать, куда она делась?

– Нет.

Внезапно мне стало дурно. Меня тошнило от одного вида этого «ямайца».

– Не принимай близко к сердцу, ладно? Я – зажавшаяся скотина, меня ничем не удивишь.

– Я еще и не то могу.

– Ага, но лучшие фокусы ты показываешь только у себя дома и только шестнадцатилетним девочкам?

– Ты сны видишь? За пиво я истолкую любой сон.

Вот вам Неназванный: жалкий городишко, который по числу психов на душу населения уступает только Сан-Франциско. Отличный был бы знак при въезде в город: «Добро пожаловать в [Неназванный]! Толкование снов за пиво».

– Пива у меня нет. Похоже, сегодня не мой день, – сказал я.

– Тогда сделаем так, мистер Скептик: я, как Даниил из Ветхого завета, расскажу твой последний сон, а *затем* объясню, что он означает. Если угадаю, с тебя пиво. По рукам?

– Еще бы. Ведь лучший способ применять паранормальные способности – это разводить людей на пиво.

Я покрутил головой, увидел, что Молли бежит вокруг палатки с хот-догами, и scomандовал ногам идти за собакой, а губам – сказать парню «Забудь».

Тело мне не подчинилось.

Я понимал, что разговор не сулит ничего хорошего, но мои ноги словно вросли в землю.

– Утром, во время грозы, тебе приснился сон.

Я посмотрел прямо в глаза «ямайцу».

Пфф... Он просто угадал...

– Во сне к тебе вернулась твоя девушка, Тина...

Эй! Откуда ему это известно?..

– ...ты приходишь домой, а там она с кучей динамита и огромным детонатором, какие только в мультфильмах бывают. Ты спрашиваешь у Тины: «Что ты задумала?». Она отвечает: «А вот что», – и жмет на ручку детонатора. – Парень взмахнул руками. – Бум! Ты открываешь глаза, и взрыв превращается в раскат грома. Ну что, чувак, я прав?

Ма. Теръ. Божь. Я.

«Ямаец» улыбнулся.

Девушки уставились на меня.

– О боже... – прошептала одна из них.

Терпеть не могу, когда последнее слово остается не за мной, и поэтому я что-то пробурчал в ответ.

– Он прав? Он угадал, да? – спросила другая девушка.

Сильно накрашенная девица, стоявшая рядом с ней, внезапно побледнела, словно какой-то вампир высосал из нее всю кровь. Зрители, сами того не понимая, отступили на пару шагов, будто пытаясь вернуться в нормальный мир.

– Судя по его виду, я прав, – усмехнувшись, сказал парень. – Но это еще не все.

Мне захотелось убраться куда-нибудь подальше. На сцене близился к финалу «Верблюжий холокост»: гитарные запылы и импровизированный рэп Джона сливались в одно звуковое месиво с ревом трех бас-гитар и грохотом барабанов «Башки» Фейнгольда, считавшего, что весь концерт – одно большое соло для ударных. За свою жизнь я побывал на множестве шоу, видел и «гаражные» команды, и «Pearl Jam», и должен сказать, что самая отстойная группа в мире – это «Трехрукая Салли». Хотя, возможно, я не объективен.

– Чувак, догадаться о значении сна несложно: эта девушка подстерегает тебя, она готова снова разрушить твой мир. Кроме того, сон пытается тебе что-то показать, предупредить об опасности.

Я примирительно поднял руки.

– Ладно, ладно... Наверное, кто-то рассказал...

– Дэвид, наберись храбрости и задай себе эти страшные вопросы. Как твой мозг узнал о том, что ударит гром?

Гром? Держись от этого парня подальше. Уходи, уходи...

– Что? Да это полный...

– Гром ударил в тот момент, когда девушка нажала на детонатор, а сон начался на полминуты раньше. Почему в твоём сознании взрыв совпал с раскатом грома?

«Потому что это плохое сознание; оно работает только задом наперед, – подумал я. – О черт, я уже цитирую “Алису в стране чудес”. М-да, хреновая получилась вечеринка».

– Не знаю. Я не знаю. Это... это какой-то бред.

Внезапно я испугался, что увижу «ямайца» парящим в воздухе, и теперь прилагал все усилия, чтобы не смотреть на него. Девочки изумленно хихикали: в понедельник будет что обсудить в школе. Да ну их к черту. К черту всех. Но этот гад не умолкал.

– Чувак, такие сны бывают у всех. К примеру, может присниться, что ты участвуешь в телевикторине, а из одежды на тебе только бандаж. Ты слышишь гудок, извещающий о твоём поражении, а в реальном мире в эту секунду звонит телефон. А ведь твой разум *не мог знать о том, что кто-то тебе позвонит*. Понимаешь, время – это океан, а не садовый шланг. Пространство – облачко, струйка дыма. Твой разум...

– Ладно, проехали...

Я покачал головой и отвернулся. Во рту у меня пересохло.

Уходи, уходи. Здесь что-то не так. От этого парня добра не жди.

На сцене «Трехрукая Салли» уже перешла к «Супермену-гею» – медленной и мрачной композиции, похожей на погребальную песнь.

Верблюд отчаяния летит,
Влекомый реактивным ранцем
Воспоминаний...

– Хочешь, я скажу, где на самом деле был твой папа, когда ты лежал в больнице со сломанной ногой? – сказал «ямаец» мне вслед.

При этих словах я остановился, и внутри у меня снова все похолодело.

– Хочешь узнать имя своей «половинки»? Или то, как она умрет?

«Заткнись! Или я расскажу, как сдохнешь *ты!*!» – хотел ответить я, но промолчал.

Преодолевая головокружение и слабость, я заставил себя пойти прочь, испытывая странное, болезненное ощущение нереальности происходящего: так чувствуешь себя во время первой аварии, когда машину крутит посреди дороги.

– Хочешь узнать, когда на Америку упадет первая атомная бомба? И на какой город?

Я едва не набросился на парня, но трусость снова взяла верх и тем самым, возможно, уберегла от больничной койки: «ямаец» наверняка мог накостылять мне и без помощи магии. В тот момент я был так взвинчен, что мне безумно захотелось кому-нибудь врезать – хотя бы одной из этих девочек. Однако, скорее всего, этот бой я бы тоже проиграл.

«Знаешь, *чувак*, садись-ка ты на корабль и вали отсюда на Ложную Ямайку – вместе со своим фальшивым ямайским акцентом».

Такая реплика тоже прозвучала бы круто, но в тот момент она не пришла мне в голову. Я лишь что-то промычал, пренебрежительно махнул рукой, словно утратив интерес к разговору, и сделал попытку раствориться в толпе.

– Эй! – крикнул «ямаец» мне в спину. – С тебя пиво, чувак! Эй!

Цыганки, ясновидящие, гадатели по картам Таро – все они оттачивали свое мастерство на протяжении многих веков. Тут главное – практика: догадки, дедукция, подмена действительного желаемым. Добавьте к этому парочку общих заявлений, которые могут относиться к любому, и клиент сам вам все расскажет.

«Я чувствую, что вы чем-то обеспокоены...» – «Невероятно! Да, дело в том, что мой муж...»

...Но ведь «ямаец» не мог знать то, что мне снилось!

Я смотрел, как ботинки топчут траву, и думал о том, что этот человек порвал тонкую ткань реальности, перевернул все мои представления о...

Тут я сбил с ног какую-то длинноволосую девушку в джинсовых шортах и майке, и с ужасом увидел, что это Дженнифер Лопес.

* * *

Знаете, как определить, что вы слишком долго были один? Это когда вы пару секунд держите девушку за руку, помогая ей встать, и на вас накатывает волна возбуждения.

– Ой, извини, – пробормотал я, пока Дженнифер поднимала бутылку пива. – Я бежал от... э-э... вуду. От летающего шамана вуду.

Думаю, следует пояснить, что это была не поп-звезда Дженнифер Лопес, а просто ее тетка, местная девочка, которая мне нравилась. Наверное, история стала бы гораздо интереснее, если бы я наткнулся на ту самую знаменитую актрису/певицу. Так что, если хотите, можете представлять себе Джей-Ло, хотя моя Дженнифер походила на знаменитую тещу только со спины.

В то время Джен работала в хозяйственном магазине, и я взял за правило покупать там предметы, которые наилучшим образом подчеркивали мой мужественный облик: так в моей квартире появились топор, три мешка цемента и три гвоздодера разных размеров. В последний раз я выбрал десятифунтовую кувалду и, притворившись разочарованным, спросил, нет ли у них инструмента побольше. К сожалению, Дженнифер не произнесла ни слова, даже когда сдачу отсчитывала.

И вот она стряхивает с шортов прилипшие травинки, и я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не помочь ей.

Мать честная, самое мощное психоактивное вещество в мире – это тестостерон.

– Ох, прости, пожалуйста! Не ушиблась?

– Не-а. Пиво разлила, но...

– А что ты тут делаешь?

Она махнула в сторону толпы и сцены.

– Веселюсь, сам понимаешь. Ну, счастливо...

Ты теряешь ее! Скажи хоть что-нибудь!

– А я тут... э-э, с группой, – сказал я и бросился вслед за девушкой, изо всех сил пытаюсь идти непринужденно, как будто просто решил прогуляться.

Дженнифер посмотрела на сцену, потом на меня.

– Ты в курсе, что они начали без тебя?

– Я не музыкант. Ну, ты же видела меня в начале. Я – тот парень, который упал и умер.

– Нет, я только что пришла. – Джен прибавила шаг.

Она уходит! Сбей ее с ног!

– Ну, еще увидимся, – сказал я ей вслед.

Дженнифер не ответила и решительно зашагала прочь. К ней подошел какой-то блондин в мешковатых штанах, майке с логотипом рок-группы и бейсболке, надетой козырьком назад.

Все эти события привели меня в такое уныние, что я и не вспоминал про левитирующего ямайца до тех пор, пока...

* * *

Три часа спустя Джон и его команда складывали инструменты и аппаратуру в белый фургон, по борту которого тянулась надпись «Фургон жирного Фрэнка». Пару месяцев назад группа называлась именно так.

– Дэйв! – воскликнул Джон. – Смотри, сколько пота! Майка мокрая, хоть выжимай!

– Да, это... нечто, – промычал я.

– Мы идем в «Одно яйцо». Ты с нами?

«Одно яйцо» – бар в центре города. Не спрашивайте.

– Нет, через семь часов у меня смена.

У Джона, кстати, тоже. Мы с ним работали в одном и том же видеосалоне. Кстати, за последние три года мой друг пять раз менял место работы.

Какая-то девушка подошла к Джону сзади и обняла. Я ее не узнал, но это было в порядке вещей.

– И у меня, – нехотя отозвался он. – Но сначала я должен купить пиво Роберту.

– Кому?

– Ну, э-э, черному парню.

Джон указал на группу из трех девиц и двух молодых людей, стоявших спиной ко мне. Один из парней был рыжий здоровяк, а второй – мой жрец вуду в радужном берете.

– Видишь его? В белых теннисных туфлях?

Я не только видел этого парня, но он еще и повернулся в нашу сторону.

– Эй, чувак, с тебя пиво! – крикнул Роберт, заметив меня.

– Он не дурак выпить, – заметил Джон. – Слушай, говорят, здесь был человек из рекорд-лейбла.

– Джон, этот растаман мне не нравится. Он... В нем есть что-то нехорошее.

– Дэйв, ты вообще никого не любишь. А Роберт – классный чувак; он сказал, что назовет мой вес за пиво, и угадал с первой же попытки. Невероятно.

– А ты сам знаешь, сколько вешишь?

– Приблизительно. Вряд ли он ошибся больше, чем на пару фунтов.

– Во-первых... а, не важно. Джон, парень говорит с акцентом! Зачем ему выдавать себя за кого-то другого? По-моему, он... э-э... псих. Забудь о нем.

– Псих? Как легко ты вешаешь ярлыки на людей! А может, его папа был не в ладах с законом и имитировал акцент, чтобы его не узнали? Может, именно он учил маленького Роберта говорить, и тот перенял фальшивый акцент у отца?

– Это он тебе рассказал?

– Нет.

– Да брось, Джон. Там, за деревьями, моя машина. Идем.

– Ты в «Одно яйцо» пойдешь?

– Нет, конечно.

– Тогда я еду с Башкой в его фургоне. Если хочешь, приходи, мы будем рады.

Я отказался. Они погрузили инструменты и уехали.

Я почувствовал себя брошенным. Знакомых на вечеринке больше не осталось, и поэтому я еще немного побродил по полю, надеясь наткнуться на Дженнифер Лопес или хотя бы на ту собаку. Джен я действительно встретил: она сидела в вишнево-красном «мустанге» 65-го года и целовалась с блондином. Парень и права-то, наверное, получил совсем недавно. Почему-то эта мысль привела меня в ярость, и я угрюмо поплелся сквозь мокрую траву к своей хилой, но экономичной «японке».

Собака ждала меня у двери водителя с таким видом, словно не понимала, почему я задержался. Я открыл дверь, и Молли прыгнула на водительское сиденье. Я оторопел; мне показалось, что сейчас собака возьмет зубами пряжку и пристегнет ремень безопасности. Но Молли просто уселась и стала ждать.

Меня переполняла тысяча вопросов. Я рухнул на водительское сиденье крошечной «хёндэ», нашарил в кармане ключи, вытащил руку – и завопил.

Нет, не так, как кричит героиня фильма-ужастика, когда на нее нападает маньяк, – это было просто хриплое «ЧТО-О?!» На ладони виднелись уходящие глубоко в кожу слова: «С ТЕБЯ ПИВО».

Несколько минут я сидел в темноте, уставившись на руку. Мой желудок сжался, и я решил, что лучше всего высунуть голову из окна и проблеваться. Когда тошнота прошла, я сплюнул и открыл глаза. В луже рвоты извивалось что-то длинное и черное.

Так вот куда делась сороконожка...

Крепко зажмурившись, я откинулся на спинку сиденья и решил, что поеду домой, лягу спать и притворюсь, что ничего – ничего! – не произошло.

* * *

Теперь, когда я рассказываю эту историю, мне хочется заметить что-то вроде: «Кто бы мог подумать, что Джон приблизит конец света?» Но я сдерживаю себя, ведь его друзья детства с самого начала знали: когда-нибудь Джон действительно это сделает.

Однажды на уроке химии Джон «случайно» устроил взрыв бунзеновской горелки – такой, что стекла повывлетали. Моего друга на десять дней исключили из школы, да и то лишь потому, что преподаватели не смогли доказать, что Джон сотворил это по злему умыслу, а не по чистому недосмотру. Иначе парня выдворили бы навсегда – как меня годом позже.

Моего друга выгнали с урока рисования за то, что он сдал весьма подробный автопортрет, сделанный углем. Рисунок вполне соответствовал действительности, только свои гениталии Джон изобразил дюймов на шесть длиннее. Однажды он сломал запястье, потому что свалился с крыши фургона приятеля, решив прокатиться на ней словно на доске для серфинга. Заднюю поверхность бедер Джона покрывали следы от ожогов: он утверждал, что неудачно запустил фейерверк, но я уверен, что это последствия провалившейся попытки создать ранцевый двигатель. В колледже мой друг не учился ни дня, но год назад заявил, что когда-нибудь станет политиком. А месяц назад сказал, что хочет попробовать свои силы в порноиндустрии.

Глава 2. Тварь в квартире Джона

Темнота и тепло. И – вдруг – «Кукарача», исполненная на дешевом мобильнике.

На моем мобильнике. Я разлепил глаза. Спальня. Ночь. Комната напоминала прачечную самообслуживания после взрыва: повсюду валяются журналы, мусорное ведро переполнено. Все как обычно.

Бип-бип-бип БИП БИП. Бип-бип-бип БИП БИП. БИП-БИП БИП-БИП БИП-БИП-БИП...

Я пошарил рукой по тумбочке и ухитрился сбросить все стоявшие на ней предметы, прежде чем нашел телефон. Прищурившись, посмотрел на часы, которые теперь беспомощно лежали на полу: четверть шестого. До смены меньше двух часов.

– Аллю?

– Дэвид? Это Джон. Ты где?

Голос хриплый, прерывистый, словно у человека, только что побывавшего в уличной драке.

– В своей постели. А где я должен быть?

Долгая пауза.

– Я тебе сегодня ночью не звонил?

Я сел. Сон как рукой сняло.

– Джон, что происходит?

– Дэйв, я не могу выйти из квартиры.

– Что?

– Мне страшно, чувак. Честное слово.

– Чего ты боишься?

– Дэйв, это что-то нереальное. Оно так движется, у него такое строение тела... нет, это точно не результат эволюции. Это что-то сверхъестественное. А еще ему удалось меня укусить.

Что?!

– Что?

Однажды Джон отрубился за рулем. В этот момент он, слава Богу, никуда не ехал, а стоял в очереди к окошку придорожной забегаловки. Обморок был вызван голодом, бессонницей, пятидневным запоем и самодельными стимуляторами. Подробности этой истории Джон скрывал от меня целую неделю – и правильно делал, иначе я бы врезал ему прямо в больнице.

Впрочем, я его предупредил: если он еще раз попадет в такую историю и при этом ничего мне не скажет, то я не просто убью его, а еще и отправлюсь в загробный мир и превращу в лепешку его бессмертную душу. Да, тот факт, что мой друг обожрался наркоты – еще не повод для общенациональных торжеств, но на этот раз он, по крайней мере, обратился ко мне за помощью.

– Буду через двенадцать минут, – сказал я, повесил трубку, надел то, что висело на стуле, и едва не убился, споткнувшись о Молли, лежавшую у порога.

Я вышел через парадный вход; собака последовала за мной. Снова зарядил дождь, и пока я добирался до машины, за шиворот мне упало несколько огромных ледяных капель. На полпути зазвонил телефон, и на дисплее высветился номер Джона.

– Да, Джон. Как ты там?

– Извини, что разбудил. Дэйв, у меня проблема. Выслушай то...

– Я уже еду к тебе. Ты мне пять минут назад звонил, помнишь?

– Что? Дэвид, держись от меня подальше. В моей квартире что-то есть. Не могу объяснить, что. Кажется, оно не собирается меня убивать, а просто хочет, чтобы я остался на месте. Поезжай в Лас-Вегас, найди там человека по имени...

– Джон, успокойся. Ты бредишь. Сядь и постарайся расслабиться. То, что ты видишь, – галлюцинация.

Пауза.

– А откуда я знаю, что это на самом деле ты? – наконец спросил мой друг.

– Через десять минут узнаешь. Я подъезжаю к твоему дому. Повторяю: просто расслабься. Джон?

Тишина. Я прибавил газу. Капли дождя барабанили по стеклу, а лужи на тротуарах бурлили, словно в них плескался кипяток.

Через семь минут я колотил в дверь квартиры Джона. Потратив минут пять, я почти решил спуститься и разбудить домовладельца, но попробовал повернуть ручку и обнаружил, что все это время дверь была открыта.

В квартире было темно, хоть глаз выколи. Искать выключатель я не стал, потому что торшер – единственный источник света – стоял в другой части комнаты. К тому же, Джону и в голову не пришло бы устанавливать лампу у входа. Память мне подсказывала, что на пути к торшеру находится какая-то мебель и штук двадцать пустых пивных бутылок.

– Джон?

Нет ответа. Я осторожно сделал шаг вперед, наткнулся на стопку журналов, попытался переступить через нее и в процессе разбил что-то хрупкое.

– Джон? Ты меня слышишь? Я звоню в...

Ооооумф!

Кто-то попытался либо сбить меня с ног, либо слишком агрессивно обнять – и придавил меня к коврику, выдавив почти весь воздух из моих легких.

– Оно едва не убило тебя! – завопил Джон мне в лицо. – Идиот! Зачем ты пришел? Ты мог бы привести подмогу, а теперь мы оба здесь умрем.

Мой друг встал, покрутил головой, будто пытался обнаружить снайпера, и прижал палец к губам.

– Тсс. Твари нигде не видно. Когда скажу «давай!», мчим в другой конец комнаты: три больших прыжка, а затем нырок вперед. Беги так, словно за тобой гонится сам дьявол. Ну, готов?

– Джон, послушай. – Я с силой втянул в себя воздух и постарался собраться с мыслями. – У тебя и так много прогулов. Поехали в больницу, а? Я скажу, что у тебя пищевое отравление, тогда полицию вызывать не станут. Возьмешь у врачей справку, а я уговорю Джеффа не увольнять тебя.

– Давай!

Джон вскочил на ноги, пересек комнату, пролетел над перевернутым диваном, махая руками, словно тряпичная кукла, и с грохотом врезался в стену.

Я спокойно встал, пошел направо и включил напольную лампу. Обернувшись, я увидел диван, по бокам которого находились кресло и перевернутый кофейный столик: настоящий форт из мебели.

Джон опасно выглянул из-за дивана, затем поднялся и выставил вперед ладони с растопыренными пальцами.

– Дейв, не двигайся, – тихо и серьезно произнес он.

– Что?

– Не двигайся, умоляю тебя, – Джон почти шептал. – Я знаю, тебе кажется, что это бред, но ты все поймешь, когда обернешься. Только не кричи, иначе тебе конец. Теперь повернись – очень медленно.

На долю секунды мне почудилось, что сейчас я действительно что-то увижу, и по моей шее побежали мурашки.

Ничего. Я вздохнул. Меня переполнила злость: позволил Джону втянуть себя в идиотскую историю!

Из того, что находилось передо мной, самым угрожающим объектом был висевший на стене огромный плакат с изображением голой женщины-рестлера. Я удивленно вскинул брови и повернулся к Джону.

– Оно переместилось. Вон туда, – сказал он, отчаянно тыча пальцем вверх, в угол комнаты.

Я очень медленно повернулся и, вытянув шею, стал смотреть в эту точку.

Все равно ничего.

– Джон, либо мы едем в больницу, либо я вызываю «скорую». Но я не собираюсь...

– Бежим к выходу!

Джон перепрыгнул через диван, перекувырнулся, ловко вскочил и рванул в коридор. Вскоре до меня донесся приглушенный топот и радостные вопли: мой друг бежал вниз по лестнице.

Я вздохнул, огляделся по сторонам, нашел ключи от квартиры и положил их в карман. На кровати лежала куртка Джона, и я потянулся за ней, но отдернул руку, почувствовав боль: что-то до крови укололо палец. Я засунул руку в нагрудный карман куртки...

Шприц.

Обычный одноразовый шприц для диабетиков с какой-то хренью внутри – черной, словно старое машинное масло. Я отломил иглу, выбросил ее в мусорное ведро, а остальное положил в карман. Если врачи не захотят изучить эту черную дрянь, запихну шприц Джону в задницу.

Я еще пошарил в карманах куртки, пытаюсь найти пузырьки, трубки и тому подобное – то, что поможет определить, чем обгорчался Джон, – однако извлек на свет только пустую пачку «честерфилда» и смятую квитанцию курьерской почты «ФедЭкс»: мой друг отправил что-то в Неваду.

Это уже походило на вынюхивание, поэтому я остановил себя усилием воли, вышел из квартиры и запер дверь. Джон, сжав кулаки, расхаживал под дождем по стоянке, словно ожидая, что из парадной двери появится темный бог Ктулху. Я бросил Джону куртку и приказал ему садиться в машину. Он открыл дверцу и в ужасе замер.

– Ну? В чем дело? – рявкнул я.

Джон смотрел на Молли так, словно она – пушистое воплощение самого дьявола.

– Джон?

– Э-э... ничего. Когда эта собака тебя нашла?

– Ты ее знаешь? Она ходит за мной по пятам, словно... э-э... верный пес.

– Не знаю. Не важно. Поехали отсюда, пока не появилось... что-нибудь еще. – Джон взглянул на дом.

Я сел за руль, но заводить машину не стал.

Бросив еще один взгляд на дом, Джон повернулся ко мне.

– Хотя бы скажи, что ты видел эту тварь.

– Ничего я не видел. А это что такое? – поинтересовался я, достав из кармана шприц.

Джон устало потер глаза.

– Не трогай. Который час?

– Начало шестого.

– А день какой?

– Ночь пятницы – точнее, утро субботы. Я совсем не спал, вот мне и кажется, что сейчас пятница. Нам сегодня на работу, помнишь?

– Зря ты приехал.

– Ты же мне звонил и умолял приехать.

Закрыв глаза, Джон откинулся на спинку сиденья, и на мгновение мне показалось, что он отрубился.

– Звонил? Когда?

– Джон, что в шприце? В больнице первым делом об этом спросят. Отвечай, пока не заснул.

– Теперь я вспомнил, что звонил тебе. Сложно удерживать что-то в памяти, ведь все происходит одновременно. Как выстрел из дробовика: дробь летит во все стороны и неминуемо во что-нибудь попадет. Я звонил, звонил – раз двадцать, не меньше.

– Дважды. Ты звонил дважды. Отвечай на вопрос, Джон.

– Только дважды? У тебя все время был какой-то странный голос. Знаешь, мои ночные звонки будут доходить до тебя еще лет восемь-девять. Я не нарочно: просто мне никак не удавалось сосредоточиться, я постоянно выскальзывал из потока времени... Вот будет умора, если ты получишь сообщение на автоответчик года через три.

Я запихнул шприц обратно в карман и завел двигатель. Джон испуганно схватил меня за руку.

– Постой. Куда мы едем? В безопасное место?

– В больницу. Все, завязывай. Я не знаю, что делать, и чем все кончится, но, похоже, у тебя «шугало», или как там это называется у наркоманов. Может, это опасно, а может, нет. Может, тебе просто нужно выспаться – я не в курсе, ведь я не торчок и не врач.

– Не надо в больницу! Поедем к тебе – куда угодно, только подальше отсюда.

Конец этого разговора я передать не могу. Мне стыдно. В общем, я позволил Джону убедить меня в том, что медицинская помощь ему не нужна. Дружба с Джоном оказалась для меня важнее его благополучия; в ту ночь, в тот момент я был самым подлым, трусливым и никчемным эгоистом в истории человечества.

Куда же мы могли отправиться? Мы оба были напуганы, хоть и по разным причинам. Джону хотелось очутиться в безопасном месте, а мне – в знакомом и уютном.

Не знаю, как именно мы выбрали кафе «У Денни», но именно туда мы и приехали. Светлое, хорошо знакомое, людное место. Мы молча пили кофе, чашку за чашкой. Джон курил, украдкой поглядывая в окно, а я считал секунды, прошедшие после очередного приступа бреда. Я говорил себе, что худшее позади, что с каждой секундой ситуация налаживается. Бог ты мой, как я ошибался.

– Ну? Как ты себя чувствуешь? Тебе лучше?

– Ночью я многое увидел – и до, и после того, как я... – Джон замолчал и затаился.

– Ладно, пойдем в обратном направлении. Какой наркотик ты принял?

– Роберт называл его «соевый соус». Хотя мне кажется, что на самом деле это был не... ну, не настоящий соевый соус.

Роберт? А, конечно – фальшивый ямаец, фокусник на вечеринке. Я решил, что еще скажу этому Роберту пару ласковых.

– А фамилия у него есть? – спросил я.

– Марли.

Разумеется.

– Это он так сказал?

– Да. Мне не хотелось выпытывать его настоящее имя.

– И он дал тебе...

Зачирикал мобильник. Кто может звонить в такое время? Плачущая Тина, которой надоело сидеть дома в одиночестве и которая в шестой раз хочет ко мне вернуться? Или Дженнифер Лопес пожалела о том, что отшила меня на вечеринке, и теперь мечтает поиграть со мной в «спрячь сосиску»?

– Да, – ответил Джон. – Мы напились в «Одном яйце», а когда бар закрылся, вышли на стоянку и выкурили косячок. Башка и Нейт Уилкс раздавили какие-то таблетки в ложке и вынюхали. Там было и... другое. Не важно. Потом мы еще выпили.

Биб-бип-бип БИП БИП...

– Тут ямаец достает «соус» и говорит: «Чуваки, эта штука открывает дверь в иные миры». Мы заставили его ширнуться первым и увидели, что он не умер, а наоборот, реально повеселел. А потом он – да, Дейв, я знаю, что на самом деле этого не было, – он *съежился*, стал трех футов ростом. Мы от смеха чуть не обделались. А потом он снова вырос.

– И ты все равно попробовал эту дрянь?

– Шутишь? Как я мог отказаться?

Телефон снова завел свою электронную песенку.

– Кто-нибудь еще вколол себе этот «соус»?

– Может, возьмешь трубку?

– Еще раз ответишь вопросом на вопрос, получишь по морде. Смотри мне в глаза. Я не шучу, ты же знаешь. Мне надоело...

– Дейв, мне и так непросто. В голове все смешалось, словно кто-то заставил меня посмотреть десяток фильмов одновременно, а теперь хочет, чтобы я написал про них сочинение. Эта штука... Дейв, я помню то, что еще не случи... то есть, то, чего не было. Тот же Лас-Вегас, например. Мы с тобой были в Лас-Вегасе?

Мобильник запищал в третий раз – или в четвертый. Я уже сбился со счета.

– Нет, Джон, мы ни разу в жизни там не были. «Соус» принял только ты?

– Повторяю: понятия не имею. Роберт пригласил нас к себе, но Башка с парнями отказались. Кажется, они занервничали, когда увидели шприц. В трейлере сидели еще какие-то ребята, так что вечеринка, типа, продолжилась там. А теперь, пожалуйста, пожалуйста, ответь на звонок или выключи телефон. Эта чертова мелодия сводит меня с ума.

– погоди, погоди. Ты принял то, что напугало Башку? Ты забыл, как он на спор закинулся дрянью, от которой умер Ривер Феникс?

– Дейв...

– Ладно, ладно.

Я вытащил мобильник, раскрыл и прижал к уху.

– Да.

– Дэвид? Это я.

А-ах, снова это чувство – этот холодок нереальности происходящего. Кофе в желудке превратился в жидкий азот.

Со мной говорил Джон.

В этом не было никаких сомнений. Мне звонит человек, который сидит напротив меня и курит. И рядом с ним нет ни одного телефона.

– Запись? – спросил я, взглянув на Джона.

– Что? Нет. Не знаю. Кажется, я позвонил тебе ночью и попросил приехать сюда. Не важно. В любом случае держись от меня подальше. У нас мало времени. Отправляйся в Лас-Вегас, найди там человека...

– Кто это?

Джон странно посмотрел на меня.

Голос в телефоне:

– Это Джон. Ты меня слышишь?

– И слышу, и вижу, – ответил я дрожащим голосом. – Ты сидишь напротив меня.

– Ну, тогда просто поговори со мной лично. Нет, подожди. Я случайно не ранен?

– Что?

– Черт! Кто-то пришел.

Щелк. Джон отключился.

Я сидел, прижав телефон к уху, и чувствовал, как на меня накатывает страшная усталость.

* * *

Если бы это был кто-то другой, то я бы решил, что меня пытается разыграть какой-то подвыпивший приятель. Но я понимал, что это не розыгрыш: во-первых, Джон уже видел меня в гневе, и, во-вторых, шутка вышла не смешной.

Мне стало страшно – по-настоящему страшно, как в детстве. Джон выглядел бледным, полумертвым. Мои ноги промокли и замерзли, глаза чесались под контактными линзами, а голова болела от недосыпа. Захотелось сжечь мобильник, запереться дома, залезть в шкаф и свернуться калачиком под одеялом.

Наступил переломный момент в моей жизни. Впрочем, все к этому шло, верно?

С самого первого дня мне казалось, что жизнь в обществе – это сложный, опасный танец, и что я – единственный, кто не умеет танцевать. Меня снова и снова сбивали с ног, а я каждый раз поднимался, униженный и окровавленный. На меня вечно смотрели с укором, мечтая о том, чтобы я, наконец, убрался ко всем чертям и перестал портить праздник. Меня хотели вытолкнуть наружу, туда, где, пытаясь согреться, друг к другу жмутся уроды. Туда, к неудачникам, безумцам, которые могут лишь с завистью смотреть на нормальных людей, на то, как они покупают новые сверкающие машины, делают карьеру, создают семьи и проводят отпуск с детьми. Такие вот уроды всю жизнь ковыляют туда-сюда, пытаются понять, почему их бросили, бормочут о всеобщем заговоре и снежных людях. Когда они стараются наладить контакт с окружающими, обычные люди едва сдерживают смех, закатывают глаза, криво ухмыляются – и, что хуже всего, жалеют этих дурачков.

Сидя в кафе в ту апрельскую ночь, я внезапно представил себе, как меня выбрасывают на улицу, услышал, как защелкиваются замки.

Добро пожаловать в мир уродов, Дейв. Скоро ты заведешь себе страницу в Интернете, где станешь писать обо всем на свете – одним огромным абзацем.

Это было похоже на смерть.

* * *

– Это я? – спросил Джон. – Это я звонил, да?

Мне захотелось выплеснуть кофе ему в лицо.

– Извини, Дейв – за то, что нарушил твой суточный ритм, за все, что произойдет, за то, что люди... э-э... взорвутся.

Я двинулся к выходу. Наверное, за нас расплатился Джон. Точно не знаю. Я вышел на улицу, нашарил ключи в кармане и открыл дверь водителя. Молли выпрыгнула на тротуар, посмотрела на меня и залилась лаем. Затем пробежала немного по пустой площадке для парковки, обернулась, залаяла; потом сделала еще пару шагов и снова гавкнула.

– Похоже, она хочет, чтобы мы пошли за ней, – заметил Джон.

Собака понеслась по тротуару, время от времени оглядываясь, словно проверяя, идем ли мы за ней. Я сел в машину и поехал в противоположном направлении. Похоже, у Джона сложилось свое мнение на этот счет, но он увидел выражение моего лица и промолчал.

Краем уха я слышал, что собака бежит за нами и лает, но решил не останавливаться. В машине повисло напряженное молчание.

Наконец Джон осторожно осведомился о том, куда мы направляемся.

– На работу, черт бы ее побрал. Шесть утра, пора открывать лавочку. Подменить нас некому.

Джон отвернулся и стал смотреть на витрины магазинов и редких любителей утренних пробежек. В конце концов я спросил, чем он там занят, но ответа не получил. Я видел, что Джон все еще дышит – это хорошо. Значит, он просто спит – и это, наверное, тоже неплохо.

Если Джон заболевает и умрет, то твой труп, Роберт Марли, найдут в какой-нибудь канаве.

Я остановился на красный сигнал светофора и, как всегда, почувствовал себя полным идиотом. На улице ни души, но я, тем не менее, торможу, потому что того требует цветной фонарь. Проклятое общество отлично меня выдрессировало. Я потер глаза и застонал. Внезапно мне показалось, что я – самый одинокий человек в мире.

Бах!

Что-то царапнуло по стеклу.

Что-то, похожее на когти.

Я вздрогнул и посмотрел назад.

Это действительно были когти.

Молли стояла на задних лапах, прижав передние к стеклу.

– Гав!

– Пошла прочь!

– Гав!

– Заткнись!

– ГАВ!

– Я сказал – заткнись! Убери лапы!

– ГАВ! ГАВ! ГАВ!

– Заткнись! Заткнись! Зат-кнись!

Мне неприятно вспоминать о том, сколько все это продолжалось. В конце концов я вышел из машины, чтобы Молли могла запрыгнуть на заднее сиденье. Да, в ту ночь моя жизнь полетела под откос, и все потому, что собака одолела меня в споре.

Молли обнюхала Джона, затем гавкнула; в закрытом пространстве лай прозвучал оглушительно. Джон даже не шелохнулся.

– Чего ты хочешь?

В тот момент данный вопрос казался мне вполне резонным. У собаки, похоже, были свои планы, и отступать от них она не собиралась.

– Что? Ты решила, что я – твой хозяин? Малыш Тимми упал в колодец? Что тебе...

Я замолчал: мой взгляд привлекла металлическая бирка, болтавшаяся на ошейнике: «Я – Молли. Пожалуйста, верните меня...»

Собака перестала лаять.

* * *

Это место было у черта на куличках, рядом с большим заводом, выпускавшим жидкость для прочистки канализации. В какой-то момент я свернул направо; Молли залаяла, как сумасшедшая – и успокоилась только после того, как я развернулся.

Увидев в конце квартала высокий, старый викторианский дом, я понял, что собака привела меня точно по адресу.

– Черт!

Я произнес это вслух – и притом громко. Что-то щелкнуло в голове, да так, что все тело содрогнулось.

Я знал, чей это дом. В голове возникла картинка с вечеринки: рядом с «ямайцем» Робертом, спиной ко мне, стоит огромный рыжеволосый парень.

Большой Джим Салливан.

Это его дом.

Большой Джим был на год старше меня, на шесть дюймов выше и в два раза тяжелее. Он стал знаменит после одной попытки угона, которая закончилась тем, что Джим вырвал из рук преступника пистолет (ободрав указательный палец угонщика), а затем избил беднягу его же оружием. Позднее Джим навестил того парня в больнице и в течение нескольких часов читал ему Библию. А однажды Джим победил в драке Зака Голдстейна, перебросив его через перила лестницы.

Одна мысль о Салливане приводила меня в ужас; захотелось выкинуть собаку из машины и умчаться прочь.

Дело в том, что у Большого Джима была сестра.

Мы звали ее «Огурец», а ее настоящее имя я забыл. Девочка, младше меня на два года, училась со мной в спецшколе. Все думали, что «Огурец» – это намек на какие-то сексуальные изыски, но на самом деле это сокращение от «Морской огурец». У этих существ есть забавный защитный механизм: при встрече с хищником они извергают из себя кишки, рассчитывая отвлечь внимание врага. Это правда, можете мне поверить, ведь прозвище придумал я.

Понимаете, сестру Джима часто тошнило – то есть, очень часто. Она извергала содержимое своего желудка не менее двух раз в неделю. Почему с ней это происходило, я не знаю. Вообще, проблем у нее хватало, но прозвище по крайней мере у нее было классное.

Когда меня исключили из обычной школы и отправили в заведение для детей с психическими отклонениями, Джим узнал, что прозвище его сестре придумал я. До конца учебного года я жил в постоянном страхе – боялся, что громила подстережет меня на стоянке и порвет в клочья. Весь ужас заключался в том, что, истекая кровью и выплевывая выбитые зубы, я бы понимал, что получил по заслугам.

Значит, Большой Джим был на той вечеринке. С Робертом? Что бы это значило? И почему там оказалась его собака? Он что, берет ее с собой на все вечеринки? Может, он ослеп, и Молли служит ему поводырем? Может, у нее день рождения?

Я чувствовал себя полным идиотом: вместо того, чтобы спокойно оставить псину на поле, я катаю ее по городу.

Я лихорадочно попытался понять, что мне со всем этим делать – с Робертом, «соевым соусом» и сверхъестественно умной собакой.

Постой. Рядом с домом нет машины.

Ну и что? Наверное, Джим крепко выпил и сейчас отсыпается у подружки.

Бред. Большой Джим не пьет, и, кроме того, он бы не оставил сестру всю ночь сидеть дома в одиночестве.

Я вылез из машины и жестом велел собаке идти за мной. Она не сдвинулась с места. Я вспомнил, как подзывают собак, окликнул ее и похлопал себя по бедру. Безрезультатно. Так продолжалось несколько минут: собака обнюхивала Джона, а в мою сторону даже не смотрела. Наконец мне стало ясно, что я могу хлопать хоть до посинения, но это ничего не изменит. Я нагнулся и потянул за ошейник. Собака попятилась, зарычала и посмотрела на меня с отвращением. Мне и в голову не приходило, что собаки могут испытывать подобные чувства.

– Вылезай, черт побери! Ты сама заставила меня сюда приехать!

Джон, лежавший на неудобном сиденье, сгорбленный и перекрученный, словно манекен для краш-тестов, даже не шевельнулся, и это напугало меня больше всего. Похоже, он не спал, а потерял сознание. Я грубо схватил Молли за ошейник.

Следующие десять минут я пропущу и скажу лишь, что в конце концов я отнес Молли к дому на руках. Я собирался подойти к черному ходу, привязать собаку у двери и незаметно улизнуть, однако стоило мне проскочить мимо парадного входа, как дверь открылась – не во всю ширь, а лишь на дюйм, насколько позволяла цепочка.

Я вздрогнул, словно меня застали на месте преступления, обернулся и увидел бледное, веснушчатое лицо сестры Джима. Похоже, девушка совершенно не понимала, что происходит. Меня она не узнала – или сделала вид, что не узнает.

Эй! Мы с тобой не учились в одной специколе?!

Я уперся подбородком в спину Молли.

– Э-э, привет. Я, э-э, нашел вашу собаку.

Дверь закрылась. Я растерянно стоял, борясь с желанием бросить псину и удрать. Через минуту послышался голос Огурца:

– Джим! Пришел парень, который украл Молли!

Я посадил собаку на землю и крепко ухватил за ошейник. Дверь снова открылась, и я внутренне сжался, ожидая, что в проеме покажется медно-рыжая голова Джима. Но это снова оказалась его сестра.

– Он сейчас придет, так что отдавай собаку. Или оставь ее себе, если хочешь.

– Что?

– Можешь оставить Молли себе. Собака стоит сто двадцать пять долларов, но она подержанная, и поэтому достается тебе бесплатно.

– Не нужна мне... Она ваша, да?

– Это собака Джима, только он ее не любит. Он сейчас придет.

– С ней что-то не так?

Огурец быстро взглянула на меня, на собаку и снова на меня. Что-то промелькнуло в глазах девушки... Страх? Она боится эту собаку?

Не ты одна, детка.

– Нет, – сказала Огурец, глядя в землю.

– Тогда почему вы заплатили за нее сто двадцать пять долларов?

– Ты когда-нибудь видел щенка золотистого ретривера?

– Твоего брата нет дома?

Она не ответила.

– Машины его не видно – у него ведь какой-то здоровый внедорожник?

– У нас дома есть ружье, – заявила Огурец, внимательно посмотрев на меня. – Ну так что, берешь собаку или нет?

– Я... что? Нет. А где Большой Джим?

– Кто?

– Джим, твой брат.

– Вышел. Вернется с минуты на минуту.

– Да не собираюсь я нападать на тебя! Вчера он был на вечеринке, так?

Длинная пауза.

– Возможно.

О черт, ты только посмотри на нее. Ни жива ни мертва от страха.

– За городом? У озера?

– Ты знаешь, где он? – выпалила она.

– Нет.

Огурец смахнула слезу.

– На вечеринке была Молли. Он взял ее с собой?

– Нет. Она убежала еще до того.

Значит, собака побежала за ним? То есть на вечеринке она искала Джима? Кто знает.

– По-моему, Джим умер, – сказала Огурец.

Я лишился дара речи.

– *Что?* Нет. Нет-нет, не...

Девушка разрыдалась.

– Он не берет трубку, – выдавила из себя Огурец. – Наверное, его убил тот черный. – Она посмотрела мне в глаза. – Ты там был?

Мне показалось, что это не вопрос, а обвинение. Она спрашивала не о том, присутствовал ли я на вечеринке; нет, ей хотелось узнать, был ли я на месте смерти Джима. Разговор начал выходить из-под контроля.

– Нет, нет. Постой... черный парень? Роберт? С дредами? Откуда ты его знаешь?

Огурец вытерла лицо рубашкой.

– Звонили из полиции.

– Насчет Джима?

Девушка кивнула.

– Спросили, дома ли он, но больше ничего не сказали. Парень с дредами приходил сюда пару раз. Под кайфом. Джим работает в приюте; там помогают таким, как этот черный, – консультации психолога и все такое. Джим не впустил его в дом. Они с Джимом разговаривали на крыльце, а Молли подбежала к этому парню и укусила за руку.

– Когда это было?

– Вчера. Он стоял прямо вот здесь и орал.

– Ты слышала, что он говорил?

– Что собака укусила его за руку. По-моему, он какой-то сатанист.

– Э-э, возможно. Ты...

– Я закрываю дверь.

– Нет! погоди! А как же...

Дверь захлопнулась.

Потерпев поражение, я отвел Молли к черному ходу, где нашел десятифутовый обрывок цепи. Видимо, вчера Молли отсюда сорвалась и пробежала семь миль – туда, где, по ее мнению, находился хозяин.

Не может быть!

Я обмотал цепь вокруг ошейника, попытался завязать ее узлом, а затем сел в машину. Джон не сдвинулся с места, но его грудная клетка ритмично поднималась и опускалась: значит, жив еще. Я обрадовался, ведь через пару минут мы должны быть в «Уолли», а мне совсем не улыбалось открывать магазин в одиночку.

* * *

Если бы я знал, что произойдет на работе, то, конечно, не поехал бы туда. И, кроме того, снял бы с себя штаны. Однако даром ясновидения я не обладал – по крайней мере, на тот момент – и поэтому в семь утра остановил машину у магазина «Видео Уолли», где работал уже два года, а Джон – примерно пару месяцев.

Мой друг вечно жаловался на Уолли, называл его жадиной, говорил, что он давным-давно должен увеличить мне жалованье. На самом деле, в компании не было никакого «Уолли» – так звали существо, похожее на DVD-диск, изображенное на вывеске магазина. Джону я ничего об этом не сказал. Не хотел его расстраивать.

Ниже приведена расшифровка разговора, который состоялся на парковке.

– Джон, мы у магазина. Вставай! Джон? Джон? Джон? Вставай, Джон. Джон? Я вижу, что ты дышишь, значит, ты не умер. А это значит, что тебе нужно подниматься. Джон? Нам пора на работу. Ты проснулся? Джон? Джон? Джон, проснись. Джон?

Наконец я вылез из машины, подошел к двери пассажира, потянулся к ручке – и замер.

Джон сидел, уставившись в одну точку. Он дышал и моргал – но при этом был где-то далеко.

Отлично. И что теперь делать?

Наверное, вы сейчас подумали: «Нужно вызвать скорую». Да, умный человек поступил бы именно так. Ну а я в течение нескольких минут экспериментировал, тыкая в Джона пальцем и хлопая его по щекам. Все тщетно. Наконец я обнаружил, что можно выманить Джона из машины, используя в качестве приманки отобранные у него сигареты. Шаркая, он медленно шел за ними, словно сомнамбула, и на другие раздражители не реагировал.

Усадив его за компьютер, я дотянулся до мышки и открыл файл с таблицей. Теперь, если кто-нибудь войдет в магазин, то решит, что Джон поглощен работой. Я оглядел творение рук своих, подумал еще немного, затем согнул правую руку Джона и подпер ей его подбородок. Теперь казалось, что мой друг задумался.

Я убрал фильмы, которые клиенты брали в прокат, и разложил по коробкам новые поступления, чтобы это не пришлось делать Тине. При этом мне удалось не вызвать подозрений у пары случайных посетителей, которые почему-то не заметили «Блокбастер», находившийся в двух кварталах от нас. Когда после обеда у меня выдалась свободная минутка, я полистал телефонный справочник, подтащил стул к телефону и набрал номер.

Два гудка, затем в трубке раздался чей-то голос:

– Церковь святого Франциска.

Я замялся.

– Угу, э-э... Мне нужно поговорить со священником.

– Я – отец Шелнат. Чем могу помочь?

– Здравствуйте. У вас есть опыт в демон... демонистике, да? Демонологии? Ну там, духи, одержимые и все такое?

– Ну-у-у... Лично мне сталкиваться с подобными вещами не приходилось. Если люди жалуются на то, что испытывают необъяснимый страх или слышат голоса, мы обычно отправляем их к психологу. Кроме того, во многих случаях помогают лека...

– Нет-нет-нет, я не сумасшедший. – Я бросил взгляд на Джона: тот все еще был без сознания. – Один мой друг...

– Я ни на что не намекаю. Послушайте, заходите ко мне, побеседуем, а если потребуется помощь профессионала, то мой деверь – очень хороший специалист, честное слово. Как вам такая мысль? Может, заглянете?

Минуту я думал, потирая свободной рукой висок.

– Святой отец, как по-вашему, на что это похоже?

– Что на что похоже?

– Сумасшествие. Психическое заболевание.

– Ну, человек никогда точно не знает, здоров он или нет, верно? Больной мозг не в состоянии поставить диагноз самому себе – это все равно, что пытаться увидеть свой собственный глаз.

Я еще немного подумал.

– Ладно, предположим, что я взаправду – ну, то есть, действительно столкнулся с тем, что выходит за... ОЙ!

Укол в бедро, похожий на укус пчелы. Я вскочил, опрокинув стул; телефонная трубка, повисшая на проводе, стала биться о стену. Я попытался вытащить из кармана шприц, найденный в квартире Джона.

Но не мог.

Проклятая штуковина застряла в ноге. Я потянул сильнее и почувствовал, как рвется кожа и волоски. Сжав зубы, я зашипел от боли, на глаза навернулись слезы.

Я дернул и вырвал шприц, одновременно вывернув наружу карман: на белой ткани виднелась дыра размером с десятицентовик, с кровавыми разводами по краям.

На кончике шприца повисла капля черной вязкой жидкости. И – я постараюсь не материться – когда из этого сучьего шприца полезло черное дерьмо, мне показалось, что оно покрыто волосами.

Нет, не волосами – оно, словно кактус, было покрыто долбанymi *иголками*.

Я уже упоминал о том, что эта штука двигалась – дергалась, будто пытаюсь выбраться наружу?

Я бросился в туалет для персонала, держа шприц в вытянутой руке. Хотелось зашвырнуть его в унитаз, но я представил себе, как эта дрянь размножается в городской канализации, и бросил шприц в раковину. Выбежав из туалета, я вытащил из кармана Джоновой рубашки зажигалку, вернулся и поджег извивавшуюся каплю. Она закрутилась, сворачиваясь кольцами, словно дождевой червяк. Конец шприца побурел и расплавился, запахло горячей проводкой.

«Соевый соус», черное вещество с планеты «икс», или что там оно такое, горело в пламени зажигалки до тех пор, пока не превратилось в твердую черную корочку. Я стряхнул ее с деформированного шприца, смыл в раковину, а затем пустил воду еще минут на пять. Шприц полетел в мусорную корзину.

Спотыкаясь и дрожа, словно от озноба, я вышел из туалета и снова взял телефонную трубку.

– Аллю? Вы слушаете?

– Да, сынок. Успокойся, ладно? То, что ты видишь, – всего лишь галлюцинация.

Бедро казалось подозрительно теплым, словно по венам начал растекаться яд.

– Послушайте, – сказал я, – спасибо, что уделили мне время, но, похоже, вы ничем не можете...

– Сынок, давай начистоту. Мы оба знаем, что ты в полной жопе.

Я оторопел.

– Прошу прощения?

– Твоя мама пишет на стенах собственным дерьмом. Сын мой, Мир мертвых ждут большие перемены. По океанам сгнившей плоти прокатятся волны червей. Ты увидишь это, Дэвид, увидишь своими собственными глазами. Так гласит пророчество.

Я оторвал трубку от уха, посмотрел на нее с опаской, словно она могла меня укусить. Затем медленно повесил ее...

– Дэвид Вонг?

Я повернулся. У кассы стоял лысый чернокожий мужчина в костюме.

– Да...

– Детектив Лоуренс Эплтон. Пойдемте со мной. И ваш друг тоже.

– Я не могу бросить магазин. Мы с Джоном – единственные...

– Мы уже связались с владельцем, он пришлет замену. Заприте дверь, когда будете уходить. Пожалуйста, следуйте за мной, сэр.

Глава 3. На допросе с Морганом Фрименом

В «переговорной» комнате полицейского участка я сидел в одиночестве. Слева от меня находилось прозрачное с одной стороны зеркало, в котором отражался я, сидящий на стуле: сгорбленная спина, растрепанные волосы, щетина на бледном лице, словно плесень на фарфоре.

Парень, тебе нужно сбросить вес.

Я сидел там уже минут тридцать – или два часа, или полдня. Если вы думаете, что время останавливается в приемной стоматолога, значит, вам еще не приходилось сидеть в одиночестве в комнате для допросов. Известный трюк: вас оставляют в тишине, и вы варитесь в собственном соку, вина и сомнения прожигают дыру у вас в животе, а на кафельный пол вытекает правда.

Знал ведь, что Джона надо отвезти в больницу. Черт побери, нет чтобы позвонить в «скорую» сразу же после телефонного разговора с ним! Вместо этого я полдня страдал фигней, а тем временем черная дрянь разъедала Джону мозг.

Человек, способный найти правильное решение только спустя несколько часов после того, как совершил ошибку, – вот вам определение «тормоза».

В комнату вошел Морган Фримен и положил передо мной конверт из плотной бумаги. Внутри лежали фотографии. Вскоре к нам присоединился еще один полицейский, белый. Что-то в их поведении раздражало; они напоминали хищных птиц, бросившихся на добычу. А ведь я не преступник. Не я же торгую этой черной дрянью.

– Спасибо, что согласились прийти, мистер Вонг, – сказал Морган Фримен. – Бьюсь об заклад, ночка у вас выдалась нелегкая. Ну, если уж на то пошло, она и у меня вышла непростая.

– Угу. – *Могу посоветовать отличное средство – большой стакан горячего напитка «Пошел ты к черту».* – А где Джон?

– С ним все в порядке. Он беседует с офицером полиции в одной из соседних комнат.

Я не мог вспомнить, на какого актера похож чернокожий коп, и поэтому мысленно прозвал его «Морган Фримен». Хотя теперь, когда я его рассмотрел, то понял, что он совсем не похож на Фримена: крупнее, круглощекий, с бородкой, бритоголовый. Он представился, но его имя я забыл. Короткостриженный напарник топорщил усы: вылитый Дж. Гордон Лидди⁵, стандартный коп из модельного агентства. Я невольно подумал о том, что он выглядел бы гораздо круче, если бы тоже побрил голову.

– Джон разговаривает? Правда? – спросил я.

– Не волнуйся, парень. Вы оба расскажете нам чистую правду, значит, о том, что ваши версии не совпадут, можно не беспокоиться, верно? Мы – твои друзья. Я не заставлю тебя сдавать анализ мочи, не буду спрашивать о том, что за история вышла у тебя в школе с тем мальчиком, Хичкоком.

– Эй, я не имею никакого отношения...

– Я же говорю – на этот счет можешь не волноваться. Тебя ни в чем не обвиняют – просто расскажи, что ты делал вчера ночью.

Инстинктивно мне захотелось соврать, но в последнюю секунду я сообразил, что не совершал ничего противозаконного. По крайней мере, насколько мне было известно. Хотя мой голос почему-то звучал виновато.

– Ходил на вечеринку у озера. Вернулся домой после полуночи. В два заснул.

– Точно? Может, ты заехал в бар «Одно яйцо» выпить стаканчик на сон грядущий?

– На сон грядущий?

⁵ Дж. Гордон Лидди (G. Gordon Liddy) – бывший агент ФБР, в настоящее время – ведущий радишоу правого толка.

– Все твои дружки там были.

Господин полицейский, у меня только один друг...

– Нет. Вы же знаете, мне утром на работу. Я сразу поехал домой.

Я понимал, что нужно рассказать ему о ямайце, но меня удерживал инстинкт – ничего не сообщать копам по собственной воле. Что за бред! На моем месте должен быть Роберт Марли – ведь это он раздавал черное волшебное масло, которое, похоже, создает трещины во вселенной. Настоящее преступление, да?

Я вспомнил, как эта дрянь, словно червяк, *вылезала* из шприца, потом подумал, что она попала в Джона, и содрогнулся.

– Ты нормально себя чувствуешь?

Мой голос донесся до меня словно со стороны.

– Ага.

По телу прошел пульсирующий заряд какой-то странной энергии и потек наружу через мою грудную клетку.

Шприц.

В кармане.

Уколот мне ногу.

Пятно крови.

Двигается.

Внутри Джона.

Внутри меня.

Внезапно мир стал невыносимо ярким, словно кто-то увеличил насыщенность цвета, словно я вдруг начал принимать сигнал высокой четкости. Я увидел мотылька на противоположной стене комнаты и заметил, что одно крылышко у него надорвано. Я услышал, как кто-то говорит по мобильнику, и понял, что этот человек стоит на тротуаре рядом со зданием.

Какого черта?

Я посмотрел детективу в глаза и с удивлением обнаружил, что могу дословно воспроизвести вопрос, который мне сейчас задаст коп...

Ты знаешь...

– Ты знаешь Натана Карри? Парень твоего возраста, у родителей автомастерская?

Сердце забарабанило у меня в груди.

– Нет, – пробормотал я.

А Шелби Уиндер?

– А Шелби Уиндер? Толстушка, учится в Восточной средней школе? Это имя тебе знакомо?

– Нет. Извините.

В голове будто солнце зажглось, наступила полная ясность, и я вдруг понял: коп идет по списку тех, кто был на вечеринке.

И все они умерли – или скоро умрут.

Как я это узнал? Как? Магия?

Черт побери, ты прекрасно знаешь, как. Черная дрянь, которую принял Джон, попала в твою кровь. Ты под кайфом, приятель.

– А Дженнифер Лопес? – спросил полицейский.

– Ой. Да. Ее я знаю.

– Нет, не актрису, а...

– Я в курсе. Да, я вчера ее видел. С ней ничего не случилось?

– Аркейм Гиббс?

– Нет. Пойдите... Да. Высокий чернокожий парень? Я с ним не знаком, но в моей школе он единственный чернокожий...

Я замолчал и взглянул на детектива. Да, это совсем не похоже на обычное дежурство. Он стал чему-то свидетелем, и воспоминание сидит в его мозгу, словно опухоль, отравляя все вокруг.

Внезапно я увидел копа насквозь.

У него двое детей – две прекрасных дочурки. Он очень, очень сильно напуган тем, что им придется жить в мире, где происходит такое. Этот человек – католик, и обычно он носит на шее золотой крестик на цепочке, но сегодня положил крестик в карман и постоянно потирает его между пальцами. Ему кажется, что наступает конец света.

Нет, я не читал мысли, я просто видел, что написано на лице. Каждый из нас может взглянуть на человека и сказать, что ему не нравится шутка, или еда, которую он ест. Вот и у меня то же самое. Вся информация уже была написана на лице, зашифрована в движениях лицевых мышц, сокращавшихся каждую микросекунду.

Полицейский зачитал несколько имен – Джастин Уайт, какой-то Фред и еще парочку. Их я не знал, о чем и заявил. Последним в списке значился Джим Салливан.

Огурец волновалась не зря.

Я не сказал Моргану, что это имя мне знакомо. За годы, прошедшие с того дня, я часто думал о том, сколько жизней я мог бы спасти, если бы поступил по-другому.

– С тех пор как ты окончил школу, не прошло и трех лет. Почти все эти люди учились вместе с тобой, но ты знаешь только девушку?

– Я, в общем, был сам по себе.

– А потом тебя отправили в другую школу...

– Я больше ни слова не скажу, пока не узнаю, что с Дженнифер. Это же не секретная информация.

Забудь. Он не знает.

– Понимаешь, мы не знаем. В том-то все и дело. Вот почему сегодня я уже шесть часов работаю сверхурочно. К закрытию «Одного яйца» в баре оставалось, по крайней мере, девять посетителей. Четверо из них пропали. Твой друг здесь.

Коп помолчал – видимо, для большего эффекта.

– Все остальные мертвы.

Смешно – несмотря на предъявленные доказательства, до меня только сейчас дошло, во что я влип. Я снова подумал о том, что убил Джона, не доставив его сразу в больницу.

Я повернулся и посмотрел на себя в зеркало. Изображение искажено, а полицейского, находящегося в другом конце комнаты, не видно. В зеркале отражались только я и Морган: высокий, опрятный защитник народа и сгорбившийся небритый юноша в мятой майке с логотипом видеопроката, которая, похоже, пару дней валялась на полу в салоне автомобиля. Хороший парень и плохой парень. Уборщик и мусор.

– А Джастин Фейнгольд и парни, с которыми Джон ушел? – спросил я. – Келли и...

– Им ничего не угрожает. Я уже поговорил со всей группой: они разъехались по домам еще до того, как вечеринка продолжилась в другом месте. Таким образом, возникает следующий вопрос: из приехавших в «Одно яйцо» твой друг – единственный, кто остался в живых, но – только не обижайся! – похоже, он сейчас не в лучшей форме. Утром он тебе ничего не говорил? Может, упомянул о чем-нибудь, пока вы расставляли по полкам возвращенные клиентами порнофильмы?

Белый коп сделал шаг вперед и подбоченился. Морган спокойно ждал, не сводя с меня глаз. Повисло напряженное молчание. Старый трюк следователей.

– Джон позвонил мне часов в пять утра, совершенно не в себе: паранойя, галлюцинации, полный набор. Я приехал к нему. Он вел себя... ну, как псих, ему мерещились разные штуки, хотя соображал он нормально, и ни тошноты, ни конвульсий у него не было. Я успокоил Джона, мы пошли перекусить, потом поехали на работу. Вот и все.

– А что именно он сказал?

– Что в его квартире чудовища, что он не помнит, как там оказался, и тому подобное.

– Он говорил, чем обторчался?

– Нет.

– Ты ведь понимаешь, это легко проверить. Сажать в тюрьму твоих дружков-рейверов просто за то, что они закинулись какими-то таблетками, мы не хотим. Нет, для таких, как я, главное – жмурики. И если кто-то прямо сейчас, в данную минуту, продает отраву...

– Если бы я что-то знал, я бы вам сообщил. Вы же полицейский, вы видите, что я говорю правду. Значит, остальные умерли от передозировки?

– Дженнифер Лопес – твоя подруга?

– Нет.

Мне захотелось повторить свой вопрос, но я промолчал, а вместо этого еще раз прокрутил в голове вопрос копа, сосредоточился, изучил очертания каждого слова – и с ужасом понял, что способен извлечь целые библиотеки сведений из пауз между слогами. Дыхание полицейского, то, как он слегка подергивал уголком рта, как приподнял левое веко на третьем и пятом слове – все это было настоящим кладом информации.

Семь часов и пятнадцать минут назад детектив съел два «макмаффина» и выпил четыре чашки кофе. Об этом свидетельствует запах жиров, которые выделяются через кожу. Посмотри на позу копа: он не спал уже сутки. Он заставляет свой голос звучать мягко, пытается выглядеть образованным и проникательным. Всем говорит, что его любимый герой – Шафт, а на самом деле – Джеймс Бонд в исполнении Шона Коннери. В мечтах Морган Фримен, одетый в смокинг, лезет по веревочной лестнице в летящий вертолет.

И вдруг, в одно мгновение, я узнал все, что знает этот детектив. Я узнал, как умерли те, кто был в «Одном яйце».

Натан Карри покончил с собой, выстрелив в висок из пистолета калибра 7.65 мм, который хранил под кроватью.

Аркейм Гиббс прыгнул в бассейн родительского дома. Юношу обнаружили несколько часов спустя, когда он уже утонул.

Шелби Уиндер и еще одна девушка, Кэрри Сэдлворт, умерли от сердечного приступа. Правая кисть Шелби была завернута в насквозь промокшую от крови рубашку.

Остальные – Дженнифер Лопес, Фред Чу, Большой Джим Салливан – исчезли. Прошлой ночью все они пили с Джоном в «Одном яйце».

Теперь в живых оставался только Джон.

Ты знаешь все это, но не можешь запомнить имя полицейского? Парень, ты стоишь на краю Скалы безумца и смотришь в Долину полного бреда.

– Перейдем к следующему вопросу, – продолжал я. – Мы с Дженнифер не были особенно близки, и поэтому я не знаком с ее друзьями и понятия не имею, куда она подевалась. Извините.

Детектив Фримен подошел к столу, открыл конверт и разложил передо мной четыре фотографии. На одной из них был запечатлен чернокожий юноша с дредлоками, мой «ямаец» – я знал это еще до того, как мои глаза сфокусировались на изображении.

На остальных трех снимках только яркие алые пятна.

Однажды – мне было лет двенадцать – по причинам, которые в тот момент казались очень вескими, я открыл три банки вишен для коктейлей, вылил содержимое в блендер и добавил льда. Закрывать блендер крышкой я не сообразил, а просто нажал на кнопку, и алая смесь изверглась наружу, словно вулканическая лава. То, что было запечатлено на лежащих передо мной фотографиях, очень походило на мою кухню в тот день – все залито красной жидкостью, в которой плавают какие-то комочки.

Полицейский указал на снимок «ямайца».

– Его ты знаешь?

– Он был на вечеринке. Именно он дал Джону наркоту. Так сказал сам Джон.
Но это вам уже известно – верно, детектив?

– Брюс Мэтьюс, торгует разными фармацевтическими препаратами на углу Тринадцатой улицы и Лексингтон-авеню. Без лицензии.

Я кивнул в сторону красных фотографий.

– А это что?

Морган показал на снимок Мэтьюса.

– До.

А затем на снимки, залитые красным.

– После.

На первой фотографии кто-то словно вывалил на пол ведро сырых бифштексов и куриных костей: куски мяса на ковре, некогда коричневого, а теперь покрытом свежей багряно-черной краской. На следующем снимке крупный план одной из стен; поверхность наполовину покрыта темно-красным, повсюду куски мяса. На третьем виднелась отрубленная смуглая рука в луже крови – пальцы полусогнуты, на ладони пластырь.

Я отвел глаза; внезапно меня прошиб пот. В зеркале снова та же картина – я лицом к лицу с Морганом. Неужели он думает, что я замешан в этом деле? Меня подозревают в совершении преступления? Я запаниковал и уже не мог «читать» полицейского. Он глядел на меня сверху вниз, позволяя тишине сгуститься в воздухе. В конце концов я сломался и нарушил молчание.

– Как это произошло? Бомба? Может, какой-то...

– В любом случае, вряд ли это сделал ты. Возможно, мы столкнулись с чем-то... э-э... находящимся за пределами нашего понимания.

По лицу Моргана снова промелькнул испуг. Теперь я уже четко определял это чувство.

Там есть что-то еще, только спрятано так глубоко, что даже ты не сможешь ничего прочитать.

Дверь открылась, и детектив замолк. В комнату вбежал толстый полицейский-латиноамериканец и что-то шепнул Моргану. Тот удивленно вскинул брови, и вышел из комнаты вслед с толстяком.

За дверью послышался шум, крики и звуки шагов. Минут через десять Морган с выпученными глазами ворвался в комнату.

Нет, нет, нет, нет-нет-нет. Нет. Не говори это...

– Твой друг умер.

* * *

Щелк!

В кассете кончилась пленка, и диктофон выключился. Должно быть, в какой-то момент Арни положил его на стол передо мной, а я и не заметил. Журналист что-то пробурчал, извиняясь, вытащил новую кассету и начал вставлять ее в диктофон. Я взглянул на его блокнот и увидел, что записи обрываются на слове «холокост».

Я отодвинул от себя тарелку с «Воссоединением огненных креветок» – блюдом, состоявшим из куриного мяса, риса и зеленого горошка. Я уже полчаса ковырялся в тарелке, откладывая в сторону курятину. При жизни эта птица страдала, поэтому я не мог заставить себя есть ее мясо. Кроме того, с рождения до смерти курицу с головы до ног покрывало дерьмо.

– А звонок в кафе «У Денни» указан в счете за мобильник?

– Что? Извините, я не понял.

– Ваш друг позвонил, когда вы были в кафе «У Денни»; при этом он сидел напротив вас, без телефона. Этот звонок указан в счете за мобильник?

– Мне и в голову не пришло проверять.

Официантка, проплывавшая мимо столика, забрала мою тарелку и оставила мне печенье с предсказанием и счет. Арни она проигнорировала. Я взял печенье и попытался сосредоточить на нем внимание и «увидеть» текст. Не вышло.

Арни почесал в затылке; его брови, словно вязальные спицы, вопросительно задвигались.

– Значит, это черное вещество, «соевый соус» – наркотик?

– Об этом мы еще поговорим.

– Он делает людей умнее? Позволяет читать мысли и тому подобное?

– Не совсем. Кажется, он усиливает ощущения. Точно не знаю. Когда вы под «соусом», это как будто ваш радиоприемник подключили к антеннам программы по поиску внеземных цивилизаций, SETI: вы принимаете сигналы отовсюду, видите то, что не должны были видеть. Но вряд ли «соус» поможет вам заполнить налоговую декларацию.

– И он у вас остался? – Арни бросил взгляд на серебряный контейнер.

– Это мы тоже обсудим.

– Вы приняли наркотик, да? Именно поэтому у вас получился... э-э... фокус с монетами, сном и всем прочим?

– Да, сегодня я принял немного «соуса». Впрочем, он уже выветривается.

– Значит, его эффект длится недолго.

– Недолго длятся побочные эффекты. Основные, наверное, останутся со мной до конца жизни.

А может, и дольше.

Арни почесал лоб.

– Значит, эти подростки передознулись на рейве? В прошлом году подобный сюжет показывали на «Си-эн-эн». Дети съели отравленное «экстази» или что-то в этом роде. Так вы...

– До сих пор не понимаю, с какой стати журналисты обозвали вечеринку «рейвом»: ни тебе музыки «техно», ни танцев, ни виниловых штанов – и уж точно никакого рейва. Хорошенький рейв, черт побери! Это одно из тех слов, которыми пенсионеров пугают.

– Какого цвета комната для допросов в полицейском участке?

– М-м, белая. Местами краска облезла, и под ней виден слой зеленой.

– А если я свяжусь с детективом Эплтоном, он вспомнит разговор с вами?

– Удачи вам его найти.

Арни что-то записал в блокноте.

– Ну? Что вы об этом думаете? – спросил я.

– Если добавить подробностей, получится неплохая книга.

– Книга? В смысле – роман? То есть, вы считаете все это бредом?

Арни пожал плечами.

– Мне без разницы. Сюжет есть сюжет. Я репортер, и ваша уверенность в том, что это произошло в действительности, составляет часть моего сюжета. С другой стороны, возьмем Уитли Стрибера: никто не видел, как он общался с инопланетянами, однако же он продает свою книгу как документальный роман и божится, что все написанное в ней – чистая правда.

Журналист еще раз взглянул на маленький металлический контейнер, и я понял, что снова кручу эту штуку в руках.

– Арни, я не увлекаюсь теориями про НЛО, но мне кажется, что не следует обвинять этого парня во лжи.

– Вот именно. У него хороший дом, свое шоу на радио, в фильме его играет Кристофер Уокен... Вам этого не хочется? Кстати, по-моему, утром у меня в карманах не было мелочи. Вы сами подбросили мне монеты.

– И вы не почувствовали?! Да будет, Арни.

Все обожают скептиков, чувак.

– Однажды в Вегасе я видел, как фокусник вызвал на сцену зрителя, украл у него очки с носа, а потом отправил беднягу на место. Несчастный зритель шурился и пытался понять, почему у него внезапно испортилось зрение... Нет, это не шутка. Мистер Вонг, магии не существует, есть только трюки, о которых знаете вы – но не ваша аудитория.

Я встал.

– Пойдемте, я покажу вам то, что лежит у меня в машине.

Мы пошли к старому, дребезжащему «форду-бронко». Я купил его после того, как разбил свою «хёндэ» в самой уникальной аварии за всю историю автомобилестроения.

Я подошел к машине и опустил задний откидной борт: за ним виднелась белая простыня, накинута на ящик размером с портативный контейнер для перевозки собак. Неудивительно, ведь это и был контейнер для перевозки собак.

– Арни, назовите самое странное из того, что вы в жизни видели.

Он ухмыльнулся, разглядывая ящик... Черт побери, он смотрел на него, словно ребенок на рождественские подарки.

Глядите, сумасшедший с огромным ящиком! Давайте не будем его злить!

– Однажды, – начал Блондстоун, – я спустился в подвал нашего дома. А там из освещения только пара голых лампочек на проводах, понимаете? Сплошной сумрак, ваша тень тянется по всему полу... Ну вот, стою я в подвале и вдруг краешком глаза замечая, что моя тень вроде как движется отдельно от меня – нет, не просто дрожит в свете качающейся лампочки, а машет конечностями, и притом довольно быстро. Это длилось всего секунду, но, честное слово, с тех пор в темное время суток я в подвал не спускался. У вас есть что-то покруче?

– Арни, вспомните, что вы чувствовали в тот момент. Мы в людном месте, здесь светло, это реальный, упорядоченный мир, но в темном подвале вы верили, что существует и другой мир – мир, в котором есть силы зла. Вспомните, откройте свое сознание.

– Мистер Вонг, мне просто показалось. Я же не говорил, что в подвале что-то было.

– Сделайте мне одолжение. Готовы?

Я стянул с ящика простыню. Долгая пауза.

– Видите?

– Нет. Вижу пустую клетку.

– Поверните голову и посмотрите на меня, тогда увидите ящик краем глаза, как тогда – тень в подвале.

– Ладно. – Улыбка Арни погасла. Он терял терпение.

– Арни, вы когда-нибудь ходили ночью в ванную? Вам никогда не казалось, что на секунду, на долю секунды, в зеркале есть что-то кроме вашего отражения? А потом вы, конечно, включаете свет – и все снова в порядке. Однако полсекунды – может, когда выходите из ванной, – краем глаза вы видите, что в зеркале не вы... а может, вы, но изменившийся. Может, на вас смотрит совершенно другое существо – не похожее на человека?

– Давайте вернемся в ресторан. Ваша история понравилась мне гораздо больше.

– Арни, вы умрете. Когда-нибудь, вне зависимости от вашего мировоззрения, вам придется столкнуться с абсолютным небытием, которое вы не можете себе представить, или с чем-то еще более странным, о чем тоже невозможно и помыслить. В тот день, Арни, вы побываете в невообразимом. Подумайте об этом.

На несколько секунд воцарилось молчание. Затем журналист едва заметно кивнул.

– Хорошо.

– Теперь посмотрите на коробку, не поворачивая головы.

Арни так и сделал – после чего подпрыгнул, завопил, потерял равновесие и плюхнулся на задницу.

– О, черт! – выдохнул он. – Черт! Что за херня? Ч-черт! Черт!

Я накрыл ящик простыней и запер машину. Арни поднялся и сделал десяток шагов назад, почти полпути к ресторану.

– Как вы это сделали? Что там? Какого черта...

– Я не знаю, как ее зовут. Жутковатая штука, верно?

– Вы... вы заставили меня! Я все выдумал. Вы напугали меня, чтобы я что-нибудь увидел...

– Нет, эта штука действительно существует. Хотя обычно ее замечают только пьяные или укуренные.

Арни все отступал, бормоча себе под нос.

– Я служил во флоте, аквалангистом, и мне пришлось кое-что повидать – глубоководных тварей, похожих на инопланетян, но даже они не сравнятся с этой... тварью.

– Арни, дослушайте мою историю до конца. Вы должны поверить, что я говорю правду. Готовы?

Журналист неуверенно посмотрел на меня и кивнул.

– Ладно, поверю вам на слово – пока сам не разберусь, что к чему.

– Договорились.

Секунду спустя мы уже шагали к ресторану. Пройдя через створчатые двери (на которых все еще виднелся лозунг «HOLA AMIGOS!»⁶), я продолжил свой рассказ.

– Так вот, полицейский подошел ко мне и сказал, что Джон умер...

* * *

В мгновение ока я вскочил со стула и бросился к выходу.

– Что?.. Как?!

Коп остановил меня, грубо толкнув в грудь.

– Успокойся, – сказал Морган, хотя сам спокойным не выглядел. – У парня начались конвульсии, потом остановилось сердце... Слушай, через полминуты здесь будет «скорая». Винни делает ему искусственное дыхание и массаж сердца. Винни подрабатывает спасателем, так что мальчик в руках профессионала. А ты к ним не относишься, поэтому прекрати истерику и не лезь не в свое дело.

Я оттолкнул его руку. К нам подошел белый полицейский – похоже, не очень потрясенный тем, что в его участке кто-то умер. Наверное, заниматься писаниной будет не он.

Губы Моргана слегка раздвинулись, приоткрыв крепко сжатые зубы.

О черт. Парень на грани срыва...

– Сынок, ты сейчас сделаешь вот что... – Он вздохнул и продолжил: – Жди меня здесь. Через пять минут я вернусь, и ты расскажешь всю правду. Я хочу разобраться с этим делом; если попытаешься мне помешать, то будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Мертвым повезло, они еще легко отделались.

М-да, совсем не похоже на мысли нормального полицейского.

За стеной раздавались крики, звуки контролируемой паники, затем послышалась сирена. Скорая.

Пискнул мобильник. В любой другой день я бы просто его отключил, но сейчас это показалось не лучшим решением. Я посмотрел на офицера Лидди, стоявшего в центре комнаты, указал на свой карман, словно спрашивая разрешения. Коп ничего не ответил, и поэтому я принял звонок.

– Да.

– Дейв? Это Джон.

⁶ Привет, друзья! (Исп.)

– Что? Ты...

Жив?

– ...где, в «скорой»?

– И да, и нет. Ты все еще в полицейском участке?

– Да. Нас обоих...

– Я уже умер?

Долгая пауза.

– Ну, копы говорят, что да. – Я взглянул на белого полицейского, который не проявлял к нашему разговору ни малейшего интереса.

– Некогда объяснять. Уходи оттуда.

– Но... но тогда меня объявят в розыск, – зашептал я, отворачиваясь от копа. – Они знают, где...

– Встань. Подойди к двери. Выйди из комнаты. Затем на улицу. Видишь здоровенного белого копа? Ни в коем случае не смотри на него в зеркало.

– А?

Я бросил взгляд через плечо на полицейского. Что-то было... не так.

– Уходи. Немедленно.

Я попытался «прочитать» копа и понял, в чем дело. Извлечь информацию из детектива, похожего на Дж. Гордона Лидди, не удавалось даже с помощью «соевого соуса». Я повернул голову на несколько градусов вправо...

Не смотри в зеркало, не смотри в зеркало...

...и посмотрел на прозрачное с одной стороны зеркало – в точку, находившуюся напротив полицейского.

Дейв, в зеркале отражались только ты и Морган. Даже после того, как подошел белый коп.

В зеркале я увидел себя с мобильником в руке.

И больше никого.

Я повернулся к полицейскому.

– Не понимаю.

– Дейв, он не настоящий – по крайней мере, в привычном смысле слова.

– Коп идет ко мне!

– Беги, Дейв. Иногда ты будешь видеть что-то подобное, так что не пугайся.

Полицейский схватил меня за лицо; пальцы, твердые, словно железные прутья, воткнулись в мои щеки, и мне показалось, что зубы сейчас раскрошатся. Коп вдавил меня в стену.

Я попытался оторвать его руку, но с таким же успехом я мог бы отламывать конечности у бронзовой статуи. Я врезал ему по носу мобильником; усы копа дернулись, словно это сильно его позабавило. Усы все дергались и дергались и, наконец, выгнулись вверх и начали отделяться от лица, словно накладные. Затем они оторвались совсем, и под ними обнаружилась полоска розовой, изрезанной кожи. Половинки усов задвигались, словно крылья летучей мыши – нет, честно! – перелетели ко мне на лоб, устроились над правой бровью и впились в кожу. Я отмахнулся от них левой рукой, затем из всех сил засадил полицейскому коленом в живот, точно под ребра.

Бедро пронзила боль, как будто я упал на кучу бетонных блоков, но удар заставил копа отшатнуться. Усы вцепились мне в ухо: боль была такая, словно кто-то делал мне пять пирсингов одновременно. Я снова отмахнулся от усов и внезапно обнаружил, что полицейский отступил и упал на одно колено. Рука продолжала цепляться за мое лицо...

Вы только посмотрите, рука... оторвалась.

Вместо плеча у копа зияла кровавая дыра. Оторванная рука – которая теперь казалась совершенно бескостной – обвилась вокруг моей шеи в два оборота, словно мясной шарф.

Я забился, пытаюсь стряхнуть ее. Змея-рука, мускулистая, жилистая, медленно сжалась, перекрывая трахею.

Перед глазами заплясали цветные пятна: недостаток кислорода вызвал в мозгу серию коротких замыканий. Я мигнул и увидел, что пол стал гораздо ближе, чем раньше: я стоял на коленях.

Усы закружили вокруг головы, жала в щеки и лоб, потом нацелились на глаз, потянули за веко. Я не мог отогнать эту тварь: руки не слушались.

Мясной шарф еще сильнее сдавил горло, и комната потемнела. Я опустился на четвереньки, внезапно захотелось лечь и заснуть.

Краем глаза я заметил какое-то движение. Полицейский встал и пошел ко мне.

Черт!

Я неуклюже пополз по направлению к двери. Гордон дотянулся до меня второй рукой, пальцы ухватили мою рубашку. Я бросился к двери, боднул ее, попытался нащупать ручку. Я задыхался; казалось, голова моя сейчас лопнет, словно воздушный шарик.

Только бы дверь была открыта, только бы она была открыта...

Ручка повернулась. Я ударил в дверь головой, вывалился из комнаты...

* * *

...И все было кончено.

Толстые кольца руки-змеи исчезли, пропали и летающие усы. По коридору промчались четверо парней с носилками. Я засунул в рот палец, затем вытащил: палец был в крови. Я посмотрел на мобильник, несколько секунд назад послуживший мне оружием, – корпус в трещинах, микрофон вдребезги, – и обругал себя за то, что уничтожил единственный, пусть и безумный канал связи с Джоном.

Мимо бежали люди; хотелось пробиться сквозь толпу и узнать, что стало с моим другом, но тут я вспомнил его инструкции и, воспользовавшись всеобщим замешательством, спокойно вышел из здания полицейского участка на улицу.

Сердце ухало в груди. Что теперь?

Толстяк в лоснящемся деловом костюме прошел мимо, даже не взглянув в мою сторону.

Вдруг, не прикладывая ни малейших усилий, я понял, что через две недели толстяк умрет от сердечного приступа, пытаясь ручкой швабры согнать с дерева кошку.

По улице проехал новенький «транс-ам», и по осанке водителя я понял, что машина украдена, а ее владелец мертв. Ремень вентилятора порвется через 26 931 милю.

Черт, нужно фокусироваться на чем-то одном, иначе мозг расплавится и вытечет через уши, словно клубничный джем.

Ладно. Я сделал глубокий вдох. Теперь что?

Моя машина осталась в двух милях от участка, рядом с «Уолли». И даже если одно из трех городских такси случайно находится где-то рядом, денег у меня все равно нет. Тут, к моему удивлению, зазвонил мобильник. Прижав сломанный аппарат к уху, я подумал о том, что должен сказать «спасибо» инженерам «Моторолы».

– Аллю?

– Дейв? Это я.

Джон.

– Где ты сейчас, Дейв?

– Рядом с полицейским участком, иду по улице. А ты где? В раю?

– Если догадаешься, дай мне знать. А пока продолжай идти. Двигай к парку. Не нервничай. Ты нервничаешь?

– Не знаю. Удивительно, что телефон еще работает.

– Долго он не протянет. На углу должен стоять продавец хот-догов. Видишь его?

Я сделал еще десяток шагов и почувствовал запах хот-догов раньше, чем увидел того, кто ими торгует. У тележки, облепленной наклейками с лозунгами правых, под желто-оранжевым зонтиком стоял болезненно худой старик, с виду лет ста шестидесяти – достопримечательность нашего города.

– Ага.

– Купи у него сосиску.

Судя по всему, задавать сейчас вопросы – значит попусту терять время.

Я дал старику три доллара и пятнадцать центов, а взамен получил сосиску в булке, завернутую в вощеную бумагу.

Помедлив, я взял бутылку с горчицей и провел по всей длине хот-догов две аккуратные полосы. Мне показалось, что так будет правильно.

В мобильнике, зажатом между плечом и ухом, снова заговорил Джон. С каждой секундой его голос слабел.

– Приставь к уху.

Я посмотрел на ручейки жира, вытекающие из хот-догов и смешивающиеся с горчицей, и порадовался, что не взял кетчуп или коричневый луковый соус.

Оглядевшись, я постарался как можно более непринужденно поднести сосиску к уху. В эту секунду мобильник сдох.

Капелька жира попала в самый центр моего уха, червяком проползла по щеке, затем по шее и, наконец, забралась за шиворот. Группа мужчин и женщин в деловых костюмах резко изменила курс и обошла меня стороной. С противоположной стороны улицы на меня с любопытством уставился одинокий бомж.

Да, я практически опустил на самое дно.

Я решил утереться салфеткой и оправдать вложенные средства, съев хот-догов, но тут до меня донеслись звуки.

– Дейв? Ты слышишь?

Голос Джона раздавался из сосиски. Я посмотрел на телефон: дисплей черный, стекло выбито, из покореженного корпуса торчит зеленая плата. До меня дошло.

– Понятно. Твой голос я слышу благодаря каким-то телепатическим волнам. Все ясно. Так бы и сказал. – Я опустил руку с хот-догом и приложил к уху мобильник. – Что дальше?

Ничего.

Еле слышные звуки донеслись из сосиски, и я снова приставил ее к уху.

– Дейв? Ты там?

– Да. По мобильнику тебя не слышно.

– Теперь тебе придется говорить со мной по сосиске.

– Почему...

Вздыхнув, я потер глаза и почувствовал, что скоро разболится голова.

– Ладно. Что будем делать?

– Ты слышишь меня только потому, что в твой организм попал «соевый соус». В шприце его оставалось немного, так что надолго не хватит.

– Что это за соус, Джон? Он живой! Клянусь, я видел, как он...

– Послушай, доберись до дома Роберта. Сейчас полицейских там нет, но времени у нас мало – они обязательно туда нагрянут. Бери такси и двигай к «Уолли» за своей машиной. Затем поезжай по Лэтроп-авеню в Шир-Виллидж – это трейлерный парк к югу от города, за кондитерской. Если повезет, за двадцать минут доберешься.

– У меня нет денег. Было всего пять долларов, и три из них я потратил на хот-догов.

– Хот-догов стоит три бакса? Ни фиги себе! Ладно, подожди секунду. Так, посмотри между сосиской и булкой – там сложенная стодолларовая купюра.

Обрадованный мыслью, что от черной магии может быть польза, я несколько секунд ковырялся в хот-доге.

– Джон, здесь ничего нет.

– Ладно, значит, не получилось. У тебя банковская карта есть?

Глава 4. «Соевый соус»

Два часа спустя я приехал в Шир-Виллидж. Остывший хот-дог лежал на приборной панели; на ветровом стекле, в месте контакта с бумагой, остались потеки горчицы. Я поднес сосиску к уху.

– Джон?

Сквозь взрыв помех прорвался голос Джона, хотя и не так громко, как раньше.

– Дейв?

– Да.

– Ты что, под мостом проехал?

– Нет. Мы в трейлерном парке. Наконец-то. В каком из трейлеров живет Роберт?

Снова помехи, затем голос Джона:

– Действие «соуса» заканчивается. Ничего не говори, только слушай. Войди внутрь и...

Помехи.

– ...ни в коем случае этого не делай, и все будет в порядке. Удачи.

Тишина. Голос исчез вместе с помехами: хот-дог перестал быть средством связи. Осталось надеяться на то, что все станет ясно, когда я войду в дом Роберта.

Его дом оказался одним из двух трейлеров, дверь и крыльцо которых полиция обклеила желтой пластиковой лентой. Второй, похоже, хозяева бросили несколько месяцев назад. Метамфетаминовая лаборатория.

Я оставил машину на лужайке перед домом и зашагал к жилищу Роберта. В доме никого не было – по крайней мере из тех, кто ездит на машине. Я зачем-то постучал в дверь, а затем вошел.

Кишки и кровь уже убрали – не удивительно, ведь полиция не хотела допускать, чтобы внутренности полдня приманивали к себе мух. И все же я узнал эту комнату – по фотографиям, которые показывал коп. Здесь взорвался Роберт. Стоял жуткий запах органики – смеси протухшего молока, плесени и дерьма.

На голых стенах – ни фотографий, ни дешевых пейзажей, ни плакатов с изображением кинозвезд. Может, все сняли полицейские? Телевизора нет. Диван, кресло, обивка которого прожжена окурками. Это жилой дом или сквот?

Я заглянул в кухоньку, расположенную в одном из концов трейлера, затем развернулся, прошел по короткому коридору, ведущему в другую часть дома, толкнул дверь, за которой должна была быть спальня...

...и застыл. Внезапно передо мной появилось поле, припорошенное снегом, а на горизонте – горные вершины, врезающиеся в потрясающее фиолетовое небо. Казалось, кто-то отпилил конец трейлера. Только если бы это произошло на самом деле, я бы увидел соседский ржавый трейлер и брошенный «олдсмобиль» в зарослях сорняков.

Я отступил в коридор – сбитый с толку, напуганный тем, что меня может втянуть туда. Только минуту спустя я понял, что увидел фреску, протянувшуюся по стенам от пола до потолка.

Художник раскрасил стены, оконный переплет и, черт побери, даже сами стекла. Он раскрасил занавески, ковер, простыни и смятое одеяло на неубранной кровати – так что, если смотреть с порога, возникал не фотографический эффект, а нечто большее. Покрытая ином трава, нарисованная на стене, продолжалась на тумбочке и на стоявшем на ней стакане, наполовину заполненном водой. Стакан был с трещинкой, но художник включил в картину и ее, превратив в отблеск солнечного света на обледеневшем листке.

Эффект был слишком мощный. В последний раз я чувствовал такую тяжесть в желудке в детстве, когда впервые увидел небоскреб. Сам Пикассо за всю жизнь не смог бы написать подобную картину. Наступи на ковер – и разрушишь фон, разгладь одеяло, и эффект пропадет.

Ух. Это просто... ух.

Не знаю, сколько я стоял там, потрясенный детальностью изображения, разглядывая каждый фрагмент.

Вот олень, а вот крошечные следы копыт на снегу. Вот маленькая уютная хижина, вот семья во дворе...

Стоило мне пристальнее взглянуть на картину, как удивление сменилось холодным ужасом.

То, что стоит перед горной хижинкой – не деревце, а наскоро сколоченный крест, и на нем висит человек. Вместо ног у него культи. Рядом с крестом стоит женщина... на руках она держит младенца, на голове у него – кривой рог. И, к несчастью для бедняги на кресте, малыш все еще голоден. На замерзшем пруду из льда торчат не камыши, а чьи-то руки. А олень? У него огромный член, за которым тянется бороздка в снегу...

Я закрыл дверь, решив, что больше никогда не буду ее открывать, двинулся по коридору в направлении гостиной, прошел мимо ванной, затем резко остановился и заглянул туда. Ничего необычного.

Унитаз стоит криво.

– Ну и что? – громко сказал я.

Проклятое любопытство. Зайдя в ванную, я увидел, что он действительно стоит не у стены, где ему полагалось быть, а в фюте от нее. Оттащив унитаз в центр ванной, я обнаружил, что квадратная плита, к которой он прикручен, аккуратно закрывает квадратный люк. Вход в подвал?

Тупица, ты в трейлере! Скорее всего, это тайник для наркоты. Вопрос в другом: какал жилец в унитаз после того, как отсоединил его от канализации?..

Под люком, в слое гравия и земли виднелся широкий лаз – человек проползти сможет.

Старый колодец? Минуточку... там виден свет. Неужели парень взял лопату и за выходные выкопал себе подвал?

В тоннель уходила раздвижная лестница – из тех, которые держат в спальне на случай пожара.

Ага, лезь туда, тупица. Здесь же ничего не случилось – например, в нескольких шагах отсюда не взорвался человек. Спускайся – станешь обедом для печально известного Роющего взрывомедведя со Среднего Запада.

Нет, Джон меня сюда отправил с какой-то целью – скорее всего, с абсолютно безумной целью, но отступать не хотелось. Я подумал о Джоне, о том, что придется прожить остаток жизни без него – и секунду спустя уже сидел на линолеумном полу, свесив ноги в люк. Я попытался заглянуть внутрь, однако увидел лишь, что там – как я и предполагал – горит свет. Я ухватился за край отверстия и сошел в тоннель, нащупывая ногами ступеньки лестницы, скользкие от налипшей на них грязи.

Вокруг воняло чем-то заплесневелым. Сделав несколько шагов, я столкнулся с новым смрадом – резким запахом гнили и экскрементов.

Лаз, глубиной примерно в два моих роста, оканчивался темной камерой, где можно было встать, не сгибаясь. Вонь усилилась; я спрыгнул, приземлившись в липкой луже Роберто-марлиевого дерьма.

Страхнув дерьмо с ботинок, я выпрямился и задел головой о потолок, который оказался на удивление гладким. Комната представляла собой почти идеальный круг с диаметром, равным ширине трейлера. Ее освещал туристический фонарь, стоявший на полу слева. Внезапно до меня донесся странный гул.

Я быстро огляделся.

На полу что-то лежало.

Я поднял фонарь и осветил комнату, в полной уверенности, что увижу не менее трех трупов. Но там виднелась только груда хлама, сломанный телевизор и нечто, напоминающее кучу компоста, из которой торчат ветки. Рядом с кучей, вдоль стены стояла пара пустых банок из-под маринованных огурцов с выцветшими этикетками. У противоположной стены лежал объект, похожий на высокий рюкзак.

Я медленно подошел к нему и с ужасом увидел, что это огромный жирный червяк, длинной футов пять. Его тело – разбитое на сегменты, словно у дождевого червя, – заканчивалось воронкой, полной крошечных зубов. В любой другой момент я бы завопил, словно банши, и бросился наутек, но тварь была настолько отвратительной, что я принял ее за еще одно творение «ямайца» – скульптуру, инсталляцию или как там их называют.

На всякий случай я сделал пару шагов вперед и осторожно пнул червяка носком ботинка. Ничего. Может, это модная подушка? Я еще немного понаблюдал за ней, затем стал отступать в направлении кучи мусора, одновременно оглядывая стены и удивляясь, как эта нора до сих пор не обрушилась. Невероятно гладкий земляной пол покрывало вещество, похожее на стекло или лед. Не могу сказать, какое оно на ощупь – прикоснуться к нему мне и в голову не пришло.

Еще раз с опаской взглянув на подушку-червя, я сделал шаг назад и снова наступил на что-то липкое. Сперва мне показалось, что это сосиски, но, приглядевшись, я понял, что это четыре отрубленных пальца с кусочками мяса и торчащими наружу костями. Пальцы выглядели странно, как будто их кто-то частично расплавил.

У меня сдавило горло, а сердце попыталось пробить грудину и вырваться наружу.

Я сделал два шага назад, прикрыл рот рукой и попытался успокоиться.

Вали, вали, вали отсюда на хрен...

Я несколько раз глубоко вдохнул, оторвал взгляд от ужасного зрелища и пошел к противоположной стене.

Добравшись до огромной кучи мусора, я с удивлением обнаружил, что выпотрошенный телевизор работает. На экране виднелось нечто, похожее на внутренности: такие изображения передают крошечные камеры, которые врачи запускают внутрь пациента.

Затем в телевизоре появилась гостиная и смутно знакомый светловолосый юноша лет двадцати. Он непринужденно сидел на стуле и разговаривал с кем-то, находящимся за камерой. Этот «кто-то» называл парня «Тодд».

Картинка снова мигнула, и юношу сменило неясное, дрожащее изображение автомобиля, едущего по жилому кварталу.

Гул стих. Я выпрямился и посмотрел по сторонам. Не лежал ли мерзкий червяк ближе к стене? Не, все нормально.

Я повернулся к телевизору, но шнура, идущего к розетке, не заметил и решил, что где-то в комнате спрятан автомобильный аккумулятор. Внимательно осмотрев то, что поначалу принял за ветки, я обнаружил, что на самом деле это... э-э... какие-то липкие штуки. Заднюю панель телевизора сняли, из корпуса торчала похожая на красную морскую водоросль полоска, воткнутая в большую дохлую рыбу. Из брюха рыбы высовывался розовый влажный ком размером с баскетбольный мяч, словно ее внутренности раздулись, увеличившись раз в пятьдесят. Рядом стоял аквариум, наполненный густым желтоватым веществом – возможно, слизью. На дне аквариума лежала сморщенная сероватая масса – человеческий мозг или, может, мясной рулет.

Внезапно я с ужасом осознал, что передо мной какое-то устройство, и решил, что на этом сюрпризы закончились, но тут я взглянул на экран телевизора и понял, что ошибся.

На экране мерцало изображение трейлера – этого самого трейлера.

Маленькое, словно он находился далеко от камер.

Его размеры увеличивались.

Наблюдатель приближался.

Тот, кто смотрел в камеру, двигался сюда. Если это прямой эфир, наблюдатель будет здесь примерно через минуту.

Я повернулся, сделал шаг и рухнул плашмя на живот. Фонарь покатился по полу, на каждой поверхности заплескали тени. Короткие вспышки света позволили мне разглядеть огромного червяка, о котором я споткнулся. Похоже, что он с невероятной быстротой перебрался в центр комнаты и теперь мирно посапывал у меня между ног.

Я почувствовал, как дрожит и пульсирует его теплое, упругое тело, оттолкнулся от червя и приземлился на задницу. Мерзкая тварь, хлюпающая, поползла за мной. Фонарь погас, и я очутился во тьме, которую освещало лишь мягкое сияние телеэкрана да желтый луч света, падавший сверху, из ванной.

Слизняк обполз меня, оказался рядом с моим лицом. Я вскочил, поскользнулся в огромной луже дерьма, упал, ударившись головой о землю, и выставил руки – как раз в тот момент, когда огромная тварь, похожая на брезентовый мешок, набитый мясом, заползла мне на грудь.

Проклятый червяк прыгнул на меня и прижал к полу.

На легкие навалился стофунтовый комок слизи.

Я приготовился к тому, что тварь сейчас откусит мне голову.

Через несколько секунд низкий, грохочущий звук возобновился.

В конце концов я сообразил, что существо заснуло, и осторожно, стараясь не разбудить, скатил храпящего червя на пол, тихо встал, подпрыгнул и ухватился за лестницу. Через десять секунд мои ладони уже упирались в липкий пол ванной. Я лелеял в себе надежду, что коричневое вещество на плечах – это грязь, а вот штаны точно вымазаны дерьмом. Немедленно вернуться домой, включу телевизор и налью себе стакан...

Бум.

Я чуть не обделался. Из противоположного конца трейлера – из кухни – донесся еле слышный звук. Я вышел в коридор, ожидая увидеть огнедышащего вампира, клоуна-карака-тицу, самого дьявола.

Ничего. Наверное, это ветер. Микроземлетрясение. Внезапная миграция термитов.

БУМ.

Громкий, резкий стук. В крови вскипел адреналин, и, как настоящий тупица, я пошел в сторону кухни, откуда доносился звук. Семь шагов – и я очутился в противоположном крыле особняка Роберта Марли.

Под подошвами зашуршал линолеум. Я заглянул за угол: пол и кухонная техника. Никаких эльфов и гремлинов. Ничего нет. Пока.

Мертвая тишина. У меня перехватило дыхание. Черт, и оружия нет. Огляделся, пытаюсь найти что-нибудь, хотя бы нож...

БУМ.

Холодильник.

БУМ.

Нет, не холодильник, а морозильник наверху. Маленькая дверца дребезжала, словно кто-то...

БУМ.

...бил по ней изнутри.

Уходи. Уходи, Дэвид. Пошел. Пошел. Пошел. Пошел. ПОШЕЛ. ПОШЕЛ. ПОШЕЛ!

Еще один удар – и дверца морозильника распахнулась.

Круглый, покрытый инеем предмет, похожий на жестянку с кофе, упал на пол, покатился и замер в двух футах от меня. Я посмотрел на него, затем на открытый пустой морозильник, набрался храбрости...

...и бросился наутек.

Три огромных прыжка – и я уже у выхода. Еще полсекунды, и моя рука оторвала бы дверную ручку, но тут я случайно выглянул в окно и увидел, что к дому подъехал какой-то седан. Обычный белый автомобиль, только антенн слишком много.

Полиция.

Кто-то вылезает из машины.

Проклятый Морган Фримен.

Он подошел к двери и остановился футах в десяти от меня. Я огляделся. Даже если здесь есть черный ход, то путь к нему преградила одержимая бесами жестянка или что уж там выкапилось из морозильника. Теперь эта штука стояла на кафельном полу, слегка раскачиваясь; над ее поверхностью поднимался пар. Я заметил, что жестянка в несколько слоев обмотана изолентой.

Нет уж, спасибо.

Я быстро выглянул из окна: мой друг-полицейский целеустремленно шел сюда, но вдруг остановился и посмотрел через плечо на что-то, находившееся вне поля моего зрения. Что я скажу ему, когда он войдет? Будь у меня пара часов, я сочинил бы неплохую сказочку...

Чпок!

Банка из морозильника затрещала и подпрыгнула на дюйм – как и я, когда услышал этот звук.

Штука подпрыгнула еще раз – выше.

Черт, похоже, кто-то пытается вырваться наружу...

Щелк.

Дзынь.

Так я воспроизвожу звук, который издает поворачивающаяся дверная ручка. Морган стоял всего в двух футах от меня, по другую сторону от раскрашенного под дерево куска пластика в форме двери. Коп собирался войти. Я пригнулся и снова посмотрел на банку, надеясь, что из нее выскочит какой-нибудь лепрекон или демон – да что угодно! – и отвлечет полицейского. Тогда, возможно, Фримен не сможет задать мне довольно очевидный вопрос: какого черта я покинул полицейский участок и пришел сюда? Я приготовился пережить один из самых неловких моментов в моей жизни.

Ручку отпустили, и она вернулась в исходное положение. Набравшись храбрости, я выглянул из окна гостиной: оказалось, что Морган смотрит в сторону дороги. На этот раз мне удалось увидеть, что именно привлекло его внимание: рядом с машиной Фримена припарковался белый фургон с большим логотипом на боку – «5-й КАНАЛ – НОВОСТИ». Из фургона вылез парень с камерой и сложенной треногой, а также симпатичная женщина-репортер. Значит, меня не только обнаружат шастающим без спроса на месте преступления, но, к тому же, мой арест покажут в прямом эфире. Похоже, это будет самое неудачное проникновение в запретную зону в истории человечества.

ЧПОК! ЧПОК! ЧПОК!!!

На одной из стенок банки – или чем уж она там была – появилась выпуклость, а «скотч» стал рваться от напряжения. Внезапно мысль об аресте перестала казаться такой уж страшной. Наверное, следовало выскочить из трейлера с поднятыми руками, но страх буквально пригвоздил меня к полу. Банка содрогнулась, и я снова пожалел о том, что у меня нет оружия, предпочтительно – огнемета.

Из-за двери доносились обрывки разговора: полицейский и репортер соревновались в притворной вежливости.

– Добрый день. Я Кэти Борц с Пятого канала...

– ...с вопросами обращайтесь к капитану, его телефон у вас есть. Все равно мы уже все убрали. Если бы вы приехали на пару часов раньше, сняли бы отличный сюжет...

Морган, может, она и упустила сюжет, но, бьюсь об заклад, она с удовольствием сделает репортаж о том, что сейчас произойдет со мной.

Эксклюзив Пятого канала: крылатый гремлин пожирает мозг местного жителя. Эксперты по гремлинам предупреждают...

БУМ!

Жестянка взорвалась. Из нее вылетел какой-то предмет, промчался через облако из частиц «скотча», ударился в облицованную панелями стену надо мной. Затем упал на ковер, подпрыгнул и замер у моих ног.

Маленький блестящий металлический контейнер, размером с бутылочку для таблеток, не двигался, не рычал и не сиял, а просто лежал на полу.

Ждал.

Я тупо уставился на него, затем приказал мышцам шеи напрячься и повернуть голову к окну. Полицейский стоял лицом ко мне и отчаянно жестикулировал. Я пригнулся, резко сел на пол и прижался к стене.

Он тебя засек. Ты заметил, как по его лицу мелькнула тень удивления? Кретин, он видел, как ты смотришь на него из окна.

Я бросил взгляд на металлический контейнер и попятился. Кто-то подходит к двери? Я поднял ногу, чтобы пнуть эту железку, но передумал.

Ты же знаешь, что в нем, верно?

Не-а. Без понятия.

Роберт хранил в нем дурь, которая попала в Джона...

Приглушенные голоса за дверью.

– Черт побери, я же сказал: «без комментариев»! Что неясно?

Они приближаются?

...и если у него была заначка, он не хранил ее под кроватью. Эта черная дрянь способна двигаться, у нее есть воля, характер. Она кусается.

Тут я понял, зачем пришел сюда. Конечно, меня привел Джон. Когда я был под кайфом, когда во мне находилась та крошечная доза из шприца, кольнувшего бедро, я мог общаться...

(с мертвецами)

...с Джоном. И утратил эту способность, когда действие наркоты закончилось. Какой бы жуткой ни была дрянь в контейнере, она – мой единственный шанс спасти Джона.

Я подобрал холодную как лед бутылочку, отыскал шов и наполовину открутил крышку, предполагая, что из контейнера потечет черная маслянистая жидкость.

Однако мне на ладонь упали два крошечных холодных шарика – идеально круглых и абсолютно черных, словно драже «Тик-так» со вкусом угля. Очевидно, капсулы – новая, удобная форма той же дряни, предназначенная для тех, кто боится шприцев.

Ты боишься шприцев.

И что?

Если бы это был шприц, ты бы даже не подумал сделать себе укол. Какое совпадение.

Я закрыл глаза – как в тот раз, когда впервые попробовал виски.

Оно знало. Ну, хорошо. Но ты-то?! Что ты вообще творишь?! Может, эта штука вытекла из упавшего на Землю метеорита? Ты нашел ее в доме покойника, тебя привел след из мертвых тел. Ну давай, клади конфетки в рот, недоумок.

Я почувствовал зуд в той части ладони, где лежали капсулы. Снаружи не доносилось ни звука, и во мне зародилась слабая надежда на то, что все ушли.

Если ты это сделаешь, назад пути не будет.

Я снова почувствовал зуд в ладони; ощущение было такое, словно по ней кто-то ползет. Я опустил взгляд, увидел две капсулы – и вдруг заметил, что они извиваются, словно пара

жирных черных червей. Я бросил их на пол и затряс рукой, как будто обжегся. Эти штуки стали двигаться, менять форму и, наконец, отрастили маленькие черные лапки.

Из капсулы выросли два плоских придатка, задержались, забились... Крылья. Черный шарик захлопал крыльями о ковер, издавая ужасный звук, похожий на треск крыльев насекомого. Затем «тик-так» стремительно взлетел, превратившись в темную полосу с неопределенными очертаниями, и бросился на меня.

Я и не подозревал, что стою с открытым ртом – иначе, уверяю вас, немедленно бы его захлопнул. В одно мгновение эта тварь угодила на язык, отскочила и двинулась дальше вглубь, вызвав жуткое першение в горле. Я закашлялся. «Соевый соус» в виде насекомого пополз по глотке вниз, в сторону кишечника, я чувствовал каждое прикосновение его лапок.

Я открыл глаза и принялся искать вторую капсулу. Найти ее на темном ковре будет нелегко...

Вот она.

Зажужжав, капсула взлетела – так быстро, что скрылась из виду. Я сжал губы и для надежности прикрыл рот ладонью. Тварь приземлилась на левую щеку, и я, не раздумывая, хлопнул по ней, словно пытался убить комара.

Боль под глазом – жгучая боль, словно от кислоты или раскаленного железа. Я подавил в себе вопль, коснулся лица рукой и увидел, что она в крови.

Укол превратился во вспышку боли, которая растеклась по телу, дошла до кончиков пальцев на ногах. К огромной, невообразимой боли примешивался какой-то странный зуд – это рвалась плоть и нервные окончания.

Я ощутил медный привкус крови и почувствовал, как во рту что-то движется...

МАТЬ ТВОЮ, ГРЕБАНЫЙ «СОЕВЫЙ СОУС» РОЕТ ВО МНЕ ДЫРУ.

Я рухнул, покатился по полу, забился в конвульсиях. Я уже не помнил, где я, кто я – мое сознание уничтожила водородная бомба паники.

ОЙ КАК БОЛЬНО БОЛЬНО БОЛЬНО Я ЧУВСТВУЮ КАК ЭТА ТВАРЬ ПОЛЗЕТ ПО ЗУБАМ О ЧЕЕЕЕЕРТ.

Лицо и рубашка стали мокрыми и липкими от крови. Я почувствовал, как второй захватчик ползет по языку и глотке, как мой желудок сжимается от отвращения. За дверью послышались шаги, и мне тут же стало легче. Сейчас я брошусь в ноги детективу Фримену, буду умолять его о том, чтобы он отвез меня в больницу, промыл мне желудок, вызвал экзорциста, вызвал авиацию, пусть превратят весь этот городишко в слой радиоактивной пыли и похоронят под шестьюдесятью футами бетона.

Затем наступило спокойствие.

Почти просветление.

Я вновь испытал то же, что и в полицейском участке – комок энергии в груди, растекающийся по всему телу, словно первый глоток горячего кофе с ромом в морозный зимний день. Приход от «соевого соуса».

Дверная ручка начала поворачиваться: сюда шел Морган. Черт, Морган *уже* был здесь. Мне хотелось бежать, прятаться, действовать. Какое разочарование...

Внезапно я оказался за пределами своего тела.

Время остановилось.

Я едва не расхохотался. И почему я раньше не сообразил? У меня же есть целых 1.78 секунды, прежде чем детектив войдет в дом. Нам кажется, что это очень мало, только потому, что наши рыхлые тела не способны много успеть за этот промежуток времени. А суперкомпьютер, между прочим, за секунду делает более триллиона вычислений. Для машины секунда – целая жизнь, вечность. Увеличьте скорость своего мышления, и тогда две секунды для вас превратятся в две минуты, в два часа или в два триллиона лет.

До встречи с полицейским оставалось 1.74 секунды. Мое тело и мой заклятый враг замерли по разные стороны двери: он взялся за ручку, я стоял на четвереньках в агонии.

Так. Мне нужен план. Я ненадолго задумался, пытаюсь оценить ситуацию.

Ты стоишь на холодной тонкой корке огромного расплавленного каменного шара, который летит по ледяному космосу со скоростью 496 105 миль в час. Во вселенной 62 284 523 196 522 717 995 422 922 727 752 433 961 225 994 352 284 523 196 571 657 791 521 592 192 954 221 592 175 243 396 122 599 435 291 541 293 739 852 734 657 229 субатомных частиц, каждая из которых пришла в движение в момент Большого взрыва. Поэтому, двинешь ли ты сейчас правой рукой или кивнешь, съешь ли в четверг на завтрак кукурузные хлопья или «Фруктовые шарики», – все было решено семнадцать миллиардов лет назад, когда в результате взрыва появилась Вселенная. Все это задано скоростью и траекторией частиц в первую миллисекунду существования. Поэтому ты физически не можешь уклониться...

Додумать мысль до конца мне так и не удалось.

Я уже был не в трейлере.

Солнце. Песок. Пустыня.

Я умер?

Оглядевшись, я не увидел ничего интересного – сплошной бурый цвет от горизонта до горизонта. Божья песочница. И что теперь? Я вспомнил, о чем болтал Джон: мол, он постоянно выпадает из потока времени.

По песку полз жук. Я решил, что это – знак, и стал наблюдать за ним. Часа два жук шел в одном направлении, никуда не сворачивая. У меня в голове сложилась теория о том, что этот жук – дух-наставник, как у индейцев, и что он приведет меня к моей судьбе... Жук остановился, постоял полчаса, затем развернулся и пополз обратно.

В мгновение ока я очутился в другом месте.

Изгородь из металлической сетки.

Бурая, пожухлая трава.

Вокруг люди в лохмотьях, похожие на беженцев.

Это становилось смешно. Я замер в растерянности, но снова вспомнил слова Джона и решил держаться, сохранять рассудок до тех пор, пока не выветрится наркота. Я заметил, что моя рука покрыта чем-то серым, вроде пепла, а в кулаке зажата вилка.

Ко мне подбежала девочка – грязная, уродливая. Половина лица обезображена, на другой половине сверкает единственный глаз. Она оглядела меня, подошла поближе, дала коленом в пах, вырвала из руки вилку и умчалась. А когда я посмотрел вверх...

Белые стены.

Звук работающих механизмов.

Машины.

Я был в большом, очень чистом здании. Передо мной стоял человек в синей форме; глядя на экран компьютера, он следил каким-то процессом – видимо, линией конвейера. Слева виднелся огромный красный знак «КУРИТЬ И РАЗВОДИТЬ ОГОНЬ В ЦЕХЕ ЗАПРЕЩЕНО», а под ним схематично нарисованный взрыв.

На столе у человека лежал перекидной календарь с рисунками-комиксами, примерно двухлетней давности.

Все это нужно было как-то остановить. Я чувствовал себя пловцом, которого швыряет из стороны в сторону бурный, пенящийся поток. Надо собраться, иначе плавать мне вечно...

– Э-э, здравствуйте, – сказал я, не особенно рассчитывая на ответ.

Человек вздрогнул, обернулся, и на мгновение показалось, что наши глаза встретились. Потом его взгляд двинулся дальше, не задержавшись на мне. Очевидно, мужчина решил, что ему почудилось, и снова уткнулся в монитор.

Цех заполняли сотрудники, следившие за всевозможными приборами, но я понял, что никто из них меня не видит. Я находился там, но меня там *не было*. Я посмотрел вниз и, естественно, не увидел своих ног.

Они остались в трейлере, в Неназванном – там, где сейчас суббота. Я собрался с силами, сделал попытку вернуться туда, в то место, в то время – в мое тело – и внезапно оказался на полу трейлера. Лицо болело, а от штанов пахло дерьмом.

Облегченно вздохнув, я постарался вспомнить, что я здесь делал, но тут в комнату вошел Морган Фримен – и замер на месте, увидев меня.

Черт. Ни хрена у меня не получается.

Я посмотрел на него и неуклюже поднялся на ноги, прижимая руку к окровавленному лицу.

Детектив оглядел меня с ног до головы.

В руках он держал две красные пластиковые канистры с бензином.

«Он спалит дом, – подумал я. – И меня тоже».

Морган поставил канистры на пол, зажег сигарету и какое-то время молча курил, глядя перед собой, словно забыв о моем присутствии.

– Наверное, вы хотите узнать, что я здесь делаю? – спросил я, решив напомнить ему о себе.

Он едва заметно покачал головой.

– То же, что и остальные. Все хотят знать, что здесь происходит, все – кроме меня. Клянусь святым Элвисом, я уже не хочу. Спорим, тебе интересно, зачем я принес сюда канистры с бензином?

– Я догадываюсь. По-моему, владелец трейлера не одобрил бы ваши действия.

Коп посмотрел на мое окровавленное лицо, достал из кармана носовой платок и протянул мне. Я прижал платок к щеке.

– Спасибо. Я, э-э, упал. На... дрель.

– Мистер Вонг, вы верите в ад?

Секунд пять я растерянно молчал.

– Да, наверное.

– Почему? Почему вы верите в ад?

– Потому что это полная противоположность тому, во что я хочу верить.

Фримен кивнул, словно мой ответ его полностью удовлетворил. Затем он поднял одну из канистр, отвинтил крышку и начал расплескивать оранжевую жидкость по комнате.

Я немного понаблюдал, потом робко сделал шаг в направлении двери. Морган резко обернулся, выхватил из-под куртки револьвер и наставил дуло мне в лицо.

– Уже уходишь?

Я все еще был «под соусом» и поэтому внезапно увидел одно из воспоминаний Моргана – что-то очень странное, недоступное для понимания. Сцена, которая произошла утром в этом самом трейлере. Кровь.

И вопли. Нескончаемые вопли. Что ты здесь увидел, Морган?

Потом передо мной возникло другое видение – стены трейлера, обьятые огнем. Я поднял руки вверх, и полицейский кивнул на вторую канистру.

– Помогите мне, – сказал он.

– С радостью, но прежде скажите, что с Джоном – ну, с другим парнем, которого вы допрашивали?

– Я думал, он с тобой.

– Со мной? Разве он не умер?

– Точно, умер. Он сидел в комнате для допросов, и Майк Данлоу задавал ему те же вопросы, что и я – тебе. Парень бурчал себе под нос, словно в полусне, все повторял, что мы должны вас отпустить, что тебе нужно добраться до Лас-Вегаса, иначе наступит конец света...

Снова Лас-Вегас. Черт побери, дался Джону Вегас!

– ...и в конце концов Данлоу сказал: «У нас тут погибли или пропали люди, и нам нужно выяснить, что произошло. Так что ты останешься здесь до тех пор, пока не ответишь на все мои вопросы, или не умрешь от старости». Услышав это, твой приятель падает замертво. Бац – и готов.

– Да, похоже на Джона.

– А теперь он исчез. Нам позвонили из больницы и сказали, что его койка пуста. Врачи решили, что он не захотел платить за лечение.

– Это тоже в его стиле.

Я поднял канистру с бензином, снял колпачок и полил бензином диван. Морган убрал револьвер.

– Мистер Вонг, вы знаете юношу по имени Джастин Уайт?

– Нет. Вы уже задавали мне этот вопрос в полицейском участке. Один из тех, кто исчез?

Нет, ты его знаешь. Подумай.

– Он ездит на вишнево-красном «мустанге» 65-го года, – сказал Морган.

А! Машину я запомнил. Тот самый блондин-херувимчик, с которым Дженнифер целовалась на вечеринке.

– Я знаю, как он выглядит, но не более.

– Именно он сообщил в полицию о том... о том, что здесь произошло. С этого началось мое дежурство. Я просто хочу, чтобы вы поняли меня, поняли мое состояние. Где-то в четыре утра этот парень звонит в службу спасения – он в панике, у него истерика, бормочет про какой-то труп. Я мчусь туда, прибываю на место первым и слышу вопли. Во все стороны бегут парни и девушки, прыгают в машины и сваливают, кричат что-то про испорченную вечеринку и всякое такое.

Детектив перестал разливать бензин и сел на пол. Примерно минуту он черпал вдохновение в табачном дыме, а затем продолжил свой рассказ.

– Я подхожу к двери, говорю «Откройте, полиция», захожу в дом и вижу...

* * *

...Я перенесся туда. Мгновенно.

Я все еще был в трейлере, стоял на том же самом месте, но боль в щеке исчезла, а по ушам ударил ужасный рэп/рэгти – он доносился из колонок, стоявших на полу в другом конце комнаты. Освещение тоже изменилось; посмотрев в окно, я пришел к выводу, что сейчас ночь. Своих ног я по-прежнему не видел.

Я здесь – но не здесь.

Как будто кто-то нажал кнопку обратной перемотки и включил запись того, что произошло примерно двенадцать часов назад.

В комнате полно людей. В толпе я заметил Дженнифер Лопес и Джастина Уайта, искал глазами Джона, но его нигде не было. Возможно, он уже в своей квартире, и сейчас ему тоже несладко.

Хотя музыка грохотала, никто не танцевал, никто не разговаривал. Все замерли, уставившись в точку справа от меня. Елки-палки, ну и скверная же песня – «Информатор» белого рэппера по имени Сноу. «Информатор, информатор, че за дела? Информатор, это моя вина...»

Я обернулся посмотреть, что привлекло внимание собравшихся.

На полу бился в конвульсиях «ямаец» Роберт.

«Я в порядке, я в порядке, чувак! – твердил он. – Погоди минутку, мне уже лучше!»

Возможно, ему бы удалось успокоить гостей, если бы голова Роберта не лежала в добрых двух футах от розового обрубка, в который превратилась его шея.

Голова продолжала говорить, слегка катаясь по полу после каждого движения нижней челюсти. Одна из рук Роберта отделилась от туловища и упала на ковер. Внезапно я с отвращением понял, что в вывалившихся наружу внутренностях ямайца шевелится что-то, похожее на червей.

Кто-то завопил.

Началась давка.

Я подпрыгнул, когда какая-то девушка прошла сквозь меня – через ту точку, где якобы находилось мое тело. Все обходили Роберта, пытаясь добраться до двери так, чтобы не наступить в кровавое, кишасщее паразитами месиво, и... О черт, это не песня, а полный ужас. Казалось, что вокалист втыкает мне в ухо кинжал, сделанный из засохшей какашки.

Внезапно музыка стихла – кто-то опрокинул стереосистему.

Джастин, забившись в угол, кричал в мобильник: «Я сказал, что он умер! И разговаривает! Да, мертвый! Приезжайте, сами все увидите!»

Гости выбегали из трейлера, но Дженнифер среди них не было. Я повернулся и увидел чью-то спину – кто-то мчался в другую сторону. Тупица, там нет выхода.

Зато под ванной комнатой есть подвал.

Роберт взорвался; куски тела полетели во все стороны.

Появилось какое-то белое насекомое и закружило над останками Роберта – расплывчатая белая полоска, еле слышно жужжащая в тишине.

Затем к нему присоединилось еще одно. Потом еще два.

Звук усилился – нечто среднее между верещанием разгневанных белок и стрекотом саранчи.

Мне хотелось убраться подальше – из комнаты, из города, с этой планеты. Но у меня не было средств передвижения. Мы все тысячу раз переживали такое в кошмарных снах: ужас, который поглощает целиком, от которого не убежать.

Рой увеличивался, а с ним усиливался и звук. Я чувствовал его нутром, как музыку Джона на вчерашней вечеринке.

Затем рой, словно единое целое, полетел на Джастина.

Джастин завопил.

Дверь распахнулась...

* * *

...Я моргнул и увидел перед собой Моргана. Ноздри заполнила бензиновая вонь.

– Я захожу в дверь и вижу этого парня, Джастина. Он стоит на четвереньках и просто *воет*. Мне показалось, что его пырнули ножом в живот, но тут я присмотрелся и увидел, что все его тело – и лицо, и руки – чем-то покрыто.

Морган говорил, не вынимая сигареты изо рта, и на ней уже образовался полудюймовый столбик пепла. По стенам стекали ручейки бензина.

– Толстые волоски, похожие на ершики для чистки трубок или на кусочки лески, покрывали его глаза, уши, шею. Парень вопил – стоял на четвереньках и орал, словно младенец. А эти штуки вокруг него летают...

Столбик пепла увеличился. Я перевел взгляд на мокрый от бензина пол под ногами у детектива.

– ...и я стою в дверях, словно приклеенный. В одном из углов какого-то парня размазало по стенам, как будто он наступил на мину, – и я знаю, что мне нужно... как-то помочь... но не хочу прикасаться к нему. Не хочу, чтобы то, что на нем, перешло на меня.

Морган снова умолк и взглянул на свои руки, словно желая убедиться в том, что на них действительно ничего нет.

Длинный столбик пепла упал на мокрый ковер.

И погас, мягко зашипев.

Морган продолжал:

– Тогда я сделал то, что не должен был делать: бросился к машине и вызвал «скорую». Она все равно уже ехала, так что мне следовало остаться в доме и – ну, не знаю – найти баллончик с инсектицидом или оттащить парня в душ и смыть с него тварей... Но я не мог. Этот малый орал так, что я не мог себя заставить. И дело не только в этом. Жуков, даже кусачих, я стерплю, если нужно. Но...

Коп сделал паузу, прокручивая в голове то, что собирается сказать.

– Я *слышал* их. Внутри себя. Понимаете?

Морган открыл шкаф и плеснул туда бензина.

– Стало быть, я иду в машину, выхожу на связь с диспетчером и весьма смутно описываю то, что тут происходит. В машине у меня есть баллончик со слезоточивым газом; я хватаю его, иду обратно, думая о том, что нужно вызвать парней в костюмах химзащиты, чтобы они... не знаю, все здесь опечатали и дезинфицировали. Но сначала я должен помочь этому мальчику, и поэтому я лечу в дом и... вижу, что с ним все нормально. Он стоит как ни в чем не бывало и приглаживает волосы. И никаких тварей. И этот парень, Джастин, говорит со мной, словно ничего не произошло, словно я только что вошел.

Я двинулся в сторону спальни, распахнул дверь и, не заглядывая внутрь, бросил в комнату наполовину полную канистру. Морган заметил это и улыбнулся.

– Ага, значит, ты видел картину. Жуткая штука, верно? Ни один человек не смог бы нарисовать такое. И я тебе вот что скажу: если постоять там подольше, она проникает тебе в мозг. Тот малый, что фотографировал место преступления, пробыл там с полчаса – так потом его пришлось выносить оттуда на руках. Он зашелся слезами, словно младенец.

Я промолчал.

– Значит, приезжает «скорая». Джастин говорит, что с ним все в порядке, но я все равно сажаю его туда и говорю парням, что, возможно, ему попала в кровь какая-то отравка. Ну, то есть, я же знаю, что он... заражен. «Скорая» включила сирену, мигалки и помчалась к больнице святого Иоанна, до которой всего десять минут езды. Через сорок пять минут медики приезжают, в руках у них стаканы с газировкой, а парня и след простыл. У ребят спрашивают, что случилось, но те понятия не имеют, о чем речь. Ничего не помнят. С тех пор о нем ни слуху, ни духу, а когда они вернулись в гараж, то обнаружили, что чертова машина «скорой» пропала. До сих пор ее ищут. Теперь понимаешь, какое у меня выдалось дежурство?

Я вытер щеку платком, темно-красным и липким. Мои руки воняли бензином. Я постарался осмыслить все это, глядя на ковер и размышляя о том, что, в подполе, возможно, летает еще один рой странных насекомых.

– А вы слышите что-нибудь прямо сейчас? Они где-то рядом? – спросил я.

– С тех пор, как вернулся – ни звука.

– И вы все равно хотите спалить дом? Для верности?

– Точно.

– А меня вы отпускать не собираетесь.

Он помолчал.

– Помнишь те штуки, про которые я говорил? Я описывал их, как жуков или червяков – как что-то знакомое. Но когда они летали, одна из них промчалась мимо моего лица. И у нее не

было ничего похожего на крылья – только спираль из крохотных щетинок, опоясывающая тело по всей длине. Эти штуки летали головой вперед, словно вкручиваясь в воздух. Те твари, которые сидели на парне, делали то же самое – поворачивались, ввинчивались в него. Понимаешь?

– Вы же не думаете, что они с другой планеты.

– Это сказал не я, а ты. Я слышал их... их стрекотание. Даже не то чтобы слышал... звук вроде как возникал в голове, словно зуд. Похоже не на жужжание пчел, а на гул толпы на концерте, потому что можно разобрать отдельные слова. Да, конечно, полный бред, но я слышал, как они общались друг с другом, координировали свои действия. Более того, я чувствовал *их ненависть*. Ясно? Пойми это, пойми, что я собираюсь сделать.

– Кажется, я понял.

Часть моего мозга лихорадочно пыталась разработать план спасения – отнять у копа пушку или хотя бы удрать, и в то же время я сознавал всю неизбежность происходящего. Что бы я ни делал, полицейский застрелит меня и бросит здесь.

– Значит, – сказал он, и в его глазах сверкнула паника, – ты понимаешь, в каком я состоянии, понимаешь, почему сегодня я пошел на преступление. Здесь творится какое-то зло, и, по-моему, только я знаю, что здесь происходит. Только я могу этому помешать.

Морган двинулся к двери, отрезая мне путь к отступлению, поставил на пол уже почти пустую канистру на пол и указал на нее.

– Подними и выброси за дверь, во двор.

Я помедлил, и детектив снова направил на меня револьвер. Я выполнил его просьбу. Морган вытащил зажигалку и зажег ее. В носу у меня щипало от паров бензина, а голова начала кружиться.

Стоя у двери с дрожащим желтым огоньком в руке, Морган сказал:

– У каждого из нас есть история про НЛО, призраков, снежного человека или экстрасенсов. Посиди вечером в компании у костра, и обязательно найдется уборщик, который встретил в коридоре, посреди ночи, мерцающий силуэт женщины, или охотник, видевший на дереве существо с парой кожистых крыльев, гораздо крупнее летучей мыши. Может, это будет совсем простая история – например, про ребенка в магазине, который поворачивает за стеллаж с товарами и бесследно исчезает. И всем кажется, что им просто померещилось – ведь никто другой этого не видел. Но такие истории есть у всех. У всех.

Коп, словно загипнотизированный, смотрел на пламя зажигалки, направив ствол револьвера в пол. Раздались два тихих щелчка: большой палец Моргана, словно сам по себе, взвел курок.

– Я вот что думаю... Я думаю, что все эти штуки реальны и нереальны одновременно. Я думаю, что правы и те, кто видит все это, и те, кто не видит. Как два радиоприемника, которые настроены на разные станции. Я не фанат сериала «Звездный путь» и ничего не знаю про другие измерения и все такое. Зато я – старый католик и верю в ад. Верю, что там не только насильники и убийцы, но еще демоны, черви и прочие мерзкие твари. Ад – это вселенская ловушка-липучка. И фальшивый ямайский сукин сын с помощью какой-то химии, магии или шаманства открыл дверь в преисподнюю. Стал дверью, ведущей в ад.

Я кивнул, хотел что-то сказать, но передумал.

– А я... – Морган кивком указал на себя. – ...Собираюсь ее закрыть.

Он поднял пушку и выстрелил мне в сердце.

* * *

Я очнулся в аду. Тьма, боль и остановившееся время. Правда, никаких стенаний, хотя, по-моему, в аду должны быть стенания.

Скрип половицы. А затем звук, словно кто-то зажег газовый гриль: *ФЛУМФ*.

Я отрубился.

И очнулся. Сколько времени прошло? Судя по запаху дыма, я точно в аду. Или это сон?

В носу щипало, словно от кислоты. Я заставил себя открыть глаза и с разочарованием обнаружил, что в аду дешевый кафельный потолок, причем часть плиток побурела от воды – видимо, там текло.

В груди будто засело жало. Я потрясенно понял, что у меня все еще есть рука, и она двигается. Я нащупал мокрое пятно в центре рубашки и скривился от боли. Я страшно замерз и смутно догадывался, что у меня шок. Я подумал про Фрэнка Уэмбо.

Фрэнк одиннадцать лет работал на заводе компании «Боеприпасы Вортингтона» в городе Плейно, штат Техас. Эта компания производит более сотни видов патронов для охотников, спортсменов и служб правопорядка. Года два назад Фрэнк служил инспектором третьей линии, на последнем этапе контроля качества. Трехуровневая система контроля, а также страх оказаться на скамье подсудимых, если оружие взорвется в руках сотрудника полиции, – гарантия того, что дефектные патроны от «Вортингтона» встречаются не чаще одного на миллиард.

Как бы то ни было, среди полумиллиона патронов калибра.38, произведенных в тот день на «Вортингтоне», один оказался бракованным. А все потому, что в тот момент, когда он проплывал мимо машины, добавлявшей в патроны щепотку пороха, в него заползла муха. Патрон с мухой внутри в тот день проглядели первые два контролера. Фрэнк заметил бы его, но когда на экране появился патрон с дефектом, Фрэнка кто-то окликнул.

По крайней мере, так показалось Уэмбо. Он обернулся, но никого не увидел.

Немного поразмыслив, Фрэнк пришел к выводу, что слово «эй» прозвучало только в его воображении, и вернулся к работе. Дефектный патрон упаковали, восемь месяцев спустя продали по каталогу товаров для служб правопорядка, а еще через полгода дефектный патрон попал к детективу Лоуренсу Эплтону («Моргану Фримену»).

Еще через год Фримен зарядил вышеупомянутый патрон в свой револьвер и выстрелил мне в грудь. В патроне была только малая часть обычной дозы пороха, так что пробивная сила пули составляла менее десяти процентов от нормы. Поэтому пуля разодрала мне кожу, оцарапала грудину и отскочила.

Я открыл глаза. Навалилась такая страшная усталость, что я уже с нетерпением ждал, когда наконец меня поглотит пламя. Диван полыхал; над ним поднимались клубы черного дыма, языки пламени лизали почерневшую, пузырившуюся обшивку. Если хоть одна искра упадет на ковролин под диваном, пропитанный высокооктановым бензином...

Я пополз на четвереньках. Проклятие, дыма стало так много, что каждый вдох напоминал попытку втянуть в себя пригоршню тлеющих окурков. Нужно добраться до двери, нужно добраться до двери. Ни черта не видно. Я заметил нечто, похожее на дверь, протянул руку и коснулся гладкого металла. Холодильник.

Значит, я полз ровно в противоположном направлении. Я повернулся и пополз дальше, нащупывая стену рукой. Ковролин занялся. Черт, здесь жарко, словно в аду. Я полз. Полз и полз. А, слава богу, вот и дверь. Я протянул к ней руку.

Снова холодильник.

Кожа пылала. Дом превратился в печь, в домну. Волосы уже горят? Я оглянулся, прищурился: гостиная оранжевым пятном расплывалась у меня за спиной. Сумею я ли я пробраться сквозь нее?

Я почувствовал странные спазмы в груди, понял, что это кашель, прижал голову к линолеумному полу, надеясь найти там пару дюймов свежего воздуха. Как же я устал. Я закрыл глаза.

* * *

Люди смертны.

С момента нашего рождения мир отчаянно пытается скрыть от нас этот факт. Вы уже давно выяснили все про секс и Санта-Клауса, но по-прежнему верите, что в последнюю секунду вас спасут, а если нет, то ваша смерть, по крайней мере, будет не напрасной, что кто-то будет держать вас за руку, кто-то вас оплачет. Общество устроено таким образом, чтобы поддерживать эту ложь; весь мир – огромный шумный кукольный спектакль, который должен отвлечь нас от того факта, что все мы умрем и, скорее всего, в одиночестве.

Мне повезло, я узнал об этом давным-давно, в крошечной душной комнате за школьным спортзалом. Многие осознают, что они смертны, только в тот момент, когда лежат где-нибудь на тротуаре, ловя последний вдох. Только в этот момент они понимают, что жизнь – как огонек свечи: порыв ветра, несчастный случай, секундная неосторожность – и он погаснет. Навсегда.

И всем плевать. Вы лежите, рыдаете, вопите во тьме, и никто вам не ответит. Вы протестуете против вопиющей несправедливости, а в паре кварталов какой-то парень смотрит баскетбол по телевизору и чешет себе яйца.

Ученые говорят, что есть темная материя – невидимое загадочное вещество, которое заполняет пространство между звездами. Темная материя составляет 99.99 процентов Вселенной, и ученые не знают, что это такое. А я знаю. Это апатия. Вот она, истина: сложите наши знания о Вселенной и все, что нам небезразлично, и получится крошечная искорка в огромном черном океане пофигизма.

Жар исчез. Звук тоже. Исчезло все, кроме тьмы.

Нет, не так, ведь тьма – это уже что-то, а здесь не было ничего. Может, я умер?

Я снова почувствовал, что покинул свое тело и плыву по мирам – но теперь здесь не осталось ничего, что можно увидеть, почувствовать. Только...

За мной кто-то наблюдал. Я знал, я чувствовал, что на меня устремлен взгляд чьих-то глаз.

Нет, не глаз – одного синего глаза какой-то рептилии. Где-то рядом находилось разумное существо, и я заметил его, а оно – меня, но не так, как люди замечают друг друга, а так, как ученый видит клетку в микроскоп. Для этого существа я был клеткой – крошечной, незначительной точкой в огромном, неизмеримом поле восприятия.

Я пытался почувствовать природу этой рептилии. Добрая ли она? Злая? Безразличная? Я устремил мысли в ее направлении...

БЕГИ.

Я побежал. У меня не было ног, но я бежал, силой воли заставляя себя удаляться от этого существа.

БЕГИ.

Я почувствовал невероятный жар, однако бросился бы и в океан огня, лишь бы уйти от *существа*, которое скрывала...

...ТЬМА. Теперь меня окружала обычная темнота, знакомая обратная сторона моих век, и жар – такой сильный, что он казался чем-то совсем иным.

Низкий звук. Вой?

Он доносился снаружи. Усиливался. Звук приближающейся машины. Лай собаки.

Назад. Назад!

Кто это сказал?

Ужасный грохот, звон бьющегося стекла, вой металла, треск ломающегося дерева. Внезапно меня отбросило, затем окатило волной свежего воздуха.

Передо мной возник радиатор автомобиля – *моей «хёндэ»*; символ «Н» застыл в футе от моего лица.

Машина дала задний ход, выбравшись из-под обломков, которые еще недавно были западной стеной кухни. Теперь в стене образовался пролом; из него торчали розовые пучки утеплителя и превращенная в лапшу алюминиевая обшивка. Я выкатился из этой дыры, упал на прохладную траву и закашлялся. Я кашлял и кашлял.

И кашлял.

Потом отрубился.

Когда я пришел в себя, мне показалось, что прошло часа два.

А может, пара секунд.

Трейлер за моей спиной превратился в огненный шар. За последние несколько минут смерть уже дважды не смогла одолеть меня: в первом случае ей не хватило всего нескольких дюймов, а во втором – нескольких глотков задымленного воздуха, но я, в изнеможении, этому даже не обрадовался.

Послышался лай.

Дэвид? Ты жив?

Снова голос ниоткуда. Я с трудом поднялся и увидел, что моя машина стоит футах в двадцати от меня.

За рулем сидела Молли. Я смотрел на нее, наверное, целую минуту. Потом она залаяла, и я снова различил в лае слова.

Голос Джона.

Мне казалось, что глупее истории с сосиской ничего быть не может, но тут я заподозрил, что это не так. Спихнув Молли на пассажирское сиденье, я залез в машину.

Собака озабоченно посмотрела на меня. Нет, это не Молли.

Большими карими глазами на меня смотрел Джон.

Молли залаяла, и я услышал вот что:

Дейв, у нас охренительно большие проблемы.

– Еще бы, комок меха. Кстати, чем ты нажимала на педали?

Слушай, после той ночи кроме меня в живых осталось еще трое – Большой Джим Салливан, Дженнифер Лопес и Фред Чу. Тело не очень хорошо меня слушается, поэтому я мало что знаю – лишь то, что мы вместе, что мы куда-то едем, и как только доберемся до цели назначения, произойдет что-то очень, очень скверное.

– Стой-стой-стой. Джон, так почему ты внутри собаки?

– Апп... ав!

(Собака чихнула).

Меня схватил Джастин Уайт – точнее, то, что когда-то было Джастином. То есть он завладел моим телом. Когда я в своем теле, то ничего не вижу, зато все слышу. Джастин угнал машину, какой-то грузовик, в котором нашлось место для всех нас. Найди его, Дейв.

– Это машина «скорой помощи»? Полицейский сказал, что Джастин угнал «скорую» из больницы. Значит, после прошлой ночи выжили четверо, считая Джастина.

– У-у-у...

Нет-нет-нет. Я сказал, что в живых осталось трое. Джастин Уайт – не живой. Он ходячий... улей, что ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.